

Дмитрий
Бронников

Путь
Смолы

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Бронников
Путь Смолы

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Бронников Д. Л.

Путь Смолы / Д. Л. Бронников — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Странно-философская, не лишенная юмора и криминала, гранжа и альтернативы, книга о современных бандитах и неожиданном преобразовании одного из них, благодаря амнезии и некоторой мистики. Содержит нецензурную брань.

Дмитрий Бронников

ПУТЬ СМОЛЫ

Вместо предисловия

Анекдот

Собрались как-то ежи со всей страны, сбились в стаи и решили податься на юг. Ежей было очень много. Их стаи походили на бескрайний серый океан. И пошли ежи к своей заветной цели, через леса и поля, реки и горы, кручи и косогоры, сметая своими маленькими серыми иголочками всё вокруг. И оставалась после них лишь пустая голая пустынная земля. Словно адский ураган, посланный из ада, проносились стаи сквозь города и сёла, чиня голод и разруху. Через несколько недель сумасшедшего похода ежи вышли на опушку великого южного леса. И вдруг маленький хромой ёжик, выбившись из общего потока, протиснулся в начало стаи, выбежал вперёд и закричал, срывающимся голосом:

– Братва, стоп!!! А не гоним ли мы?!!

Солнце склонилось за великую гору Сарко, подул освежающий ветерок, чуть всколыхнул травы и листья деревьев, пробежался по ним легким шорохом в вековой покойной тишине дубравы и удалился восвояси, так и не разбудив своим легким прикосновением тайну древнего леса. Чаки прутиком пошевелил угли затухающего костра, вверх взвился на перегонки с искрами столбик дыма. Молодой человек не успел уклониться, хватил его ртом и изошелся в кашле.

– Думай, прежде чем ворошить угли, будь готов к неприятностям и умей уворачиваться от неожиданностей, – сказал святой старец Арнав юноше, после того как он прокашлился.

Сидевший напротив второй молодой человек по имени Диззи улыбнулся, он знал, что его товарищ немного неуклюж и ленив по части размышлений, но промолчал, в среде воинов не было принято открыто указывать на недостатки соплеменников, если они считались равными тебе по силе, удаче и отваге в бою.

Старец обвел пристальным взглядом молодых людей и сказал:

– С этого вечера вы начинаете свой долгий путь к Пониманию, чтобы стать Другими. Судьба и звезды выбрали вас для постижения истины. Вы перестанете быть воинами, но не стоит об этом сожалеть, потому что достигший Понимания больше чем обычный человек, больше чем воин, он даже больше чем вождь, он всеобъемлющ, он велик в своем знании и понимании, но также и скромнен в своем величии, поскольку он – Другой, он не лучше и не хуже, он просто другой.

Молодые люди потупили взгляд, склонив головы, в глубине души они не хотели становиться Другими, они с рождения были воинами, мыслили как воины, жили как воины. Их кумирами были славные эпические герои, их дела были великие битвы, честно говоря они не понимали, зачем нужно становиться Другими. Они многое теряли вместе со статусом воинов – нескромные взгляды девушек, уважение и даже преклонение соплеменников, знатность и богатство. Но совет великих старцев так решил, что именно они и только они должны пополнить со временем их ряды. А слово совета было законом для всех, даже вождь ничего не мог поделаться с этим. Почему совет выбрал именно их, знали только сами великие старцы. И слово ими было сказано, обратной дороги не было. Теперь они либо достигнут Понимания, либо погибнут на пути к нему. А путь был труден, долог и малопонятен для простого человека, даже

опасен. Ступившие на путь Понимания часто гибли, не достигнув конца. Этот путь был осложнен тем, что в человеческой жизни менялось абсолютно все, сама жизнь менялась в корне, не каждый выдерживал, не каждый был способен. А преимуществ каких-либо, насколько знали юноши, статус Другого не давал, по крайней мере с их точки зрения, наоборот, одни тяготы и лишения. Другие хоть и составляли единое целое с племенем, но одновременно их как бы и не существовало для окружающих. Они были серыми тенями на фоне ярких героев воинов и даже простых охотников, никому не понятны и будто не видимы. То есть даже нельзя было сказать, пользовались они уважением соплеменников или нет, они просто были, о них знали, но не говорили. И вот теперь молодым людям предстояло стать представителями этого таинственного клана Других. Но впереди была еще трудная и опасная дорога к Пониманию. Юноши не боялись пути к нему, наоборот, лишь в этом они видели хоть какой-то смысл их преобразования – что как не трудности, опасности и преодоление их украшают личину воина, делают его жизнь осмысленной и героической. Молодые люди даже рвались поскорее вступить на этот путь, раз у них все рано не было другого выбора, и доказать, что они способны и достойны занять место в совете Других. Это был их первый день, наставником и проводником для юношей был выбран мудрый старец Арнав.

– Арнав, скажи, почему Другие другие, что их отличает от всех, – спросил Дизи, – и в чем есть Понимание?

– Ты торопишь события. А на словах этого не объяснишь. Понимание нужно понять, прочувствовать, пережить. Само Понимание лежит за гранью обывательской мысли человека. Ваша задача достигнуть понимания Понимания. Звучит странно и даже глупо с точки зрения воина, но так оно и есть.

– Действительно глупо, – улыбнулся Чаки, – это как воинственно воевать или убийственно убивать.

– Ну а хоть что-то, хоть общие черты Понимания мы сейчас можем узнать, – не унимался любопытный Дизи.

– Хм, – старец недовольно покрутил головой, – какой ты нетерпеливый. Ладно, оно конечно не отобразит и сотой доли, но я скажу на понятном для вас примере... Вон видишь камень справа от тебя, какой он по-твоему?

Зако немного непонимающим, но внимательным взглядом осмотрел камень.

– Ну, довольно большой, неровно-прямоугольной формы, на левой стороне камня мох, спереди как бы небольшая вмятина.

– А вот и нет, – весело и хитро улыбнулся Арнав, – камень не совсем прямоугольный, а скорее угловатый, мха на нем нет, а вместо вмятины скорее выпуклость.

– Как это нет, – возмутился в юношеском порыве Дизи, – я же вижу...

– А я нет, – подавив улыбку, сказал Арнав.

– Ну правильно, с вашей стороны другой обзор, вы видите другие стороны камня.

– Вот. И Чаки видит другие, и у него свой камень, отличный от твоего и моего, что-то общее конечно есть, камень ведь один и тот же, но каждый его видит по-разному, в зависимости от своего места и взгляда. Можно, конечно, пересечь на другое место и увидеть доселе невидимые части, можно обойти вокруг камня и познать все стороны, но для этого надо по крайней мере подняться и покинуть свое место и иметь к этому желание. Но покидая свое место, ты теряешь и свой вид, свой обзор и взгляд. Ты садишься на мое место, видишь камень таким, каким его вижу я, возможно думаешь, что познал то, что познал я, но на самом деле ты не познал ничего, кроме еще одной его стороны. Решившись и проявив желание, поставив перед собой цель, познать все его стороны, ты можешь обойти камень со всех сторон. Теперь ты знаешь многое, применяешь знания на практике. Ты был воином, а стал вождем племени. Но суть камня по-прежнему скрыта от тебя, ты даже не задумываешься о ней, зачем вождю знать, допустим, о той его части, что скрыта под землей, какой в ней толк, кроме земляных

червей и слепых кротов с ней никто не сталкивается. Я уже не говорю о более глубокой сути камня, зачем он здесь лежит, как он здесь оказался и что внутри него. Мало кому это интересно, поскольку в повседневной жизни не пригодно, да и не понимаемо, что еще больше делает тебя малоинтересованным в его глубоком исследовании. В жизни тебе зачастую достаточно своего собственного обзора. Ты воин, ты смотришь только с позиции воина, охотник с позиции охотника, им другого и не надо. Если способен и есть желание, то можешь стать вождем, познав другие его части. Способен и есть желание стать шаманом, можешь заглянуть в его подземный, невидимый мир, сделав хитрый подкоп, а потом с позиции знающего сочинять людям басни про невидимую, подземную часть камня... Но это так к слову... В общем, все зависит от твоих способностей и желания. Если тебя устраивает место воина, оставайся на месте воина и будь им до конца, каждому свое, потому как каждое место по-своему важно, оно не плохое и не хорошее, оно просто свое, оно часть цепочки устройства мира человеческого племени. Вы наверно понимаете, что говоря о камне, я подразумеваю окружающий мир, природу и жизнь.

Старец перевел дух, окинул взглядом в сгущающихся сумерках вековой лес, подумал что-то свое и продолжил:

– Но если ты задался пониманием сути камня, задался глупыми с точки зрения обывателя вопросами его происхождения и свойств, то значит ты ступил на путь Понимания. Оно не нужно всем и даже вредно, воин и даже вождь, задавшийся такими вопросами, теряют свое место, свое видение, потому как, чтобы познать суть, ты так или иначе уходишь от своего видения, ты начинаешь жить другими понятиями, другими образами, не прямолинейными доступными взглядами. Это опасно, воин перестает видеть смысл в войне, охотник в охоте, а вождь в управлении миром племени, что создает угрозу существования всему племени. И если ты не готов, не предназначен для этого судьбой, то и не нужно этого делать... И еще, человек, потерявший свое видение, но устремившийся к сути, часто становится смешон и презираем соплеменниками, он не понимается ими в своем стремлении, как это можно добровольно отказаться от всех преимуществ и благ, которыми обеспечивает его конкретное видение. Для кого-то он становится даже опасен, поскольку начинает мыслить странными и таинственными вещами. Таких людей стремятся избегать, возводят их на уровень сумасшедших, а порой и уничтожают. Но то не касается нашего племени, у нас Другие просто другие, их слово закон, хотя они и не стремятся вмешиваться в дела племени. Другие у нас не презираемы как и не в почете, они просто есть. Это для обывателей, вы же по достижении Понимания узнаете, кто такие Другие и зачем они нужны, сейчас вы еще являетесь воинами и знать вам это рано, да и не поймете... И еще, как это ни странно, но к Пониманию ведет вполне обыкновенная дорога, пройдя по которой, вы износите не одну пару башмаков. Идя по этой дороге, вы постепенно начнете понимать Понимание, с моей помощью и заложенных в вас способностей, главное желать понять. Окончательное Понимание откроется для вас в священной таинственной пещере А-су-ри. Вот к ней-то мы, начиная с завтрашнего дня, и устремим свои стопы.

* * *

– Проверка генетической способности к выживанию индивидуума в трудный переходный период и последующего становления характеризуется приспособляемостью его моральных устоев в соответствии с духом и задачами времени. В контексте чего стоит отметить, что прежний образ мышления крайне негативно влияет как на самого индивидуума, так и на его приспособляемость. Поэтому более податливым и мягким материалом для ломки устоев служит не до конца сформировавшиеся моральные ценности, либо ценности пребывающие в пограничном состоянии. Еще стоит отметить, что заметным подспорьем в вытеснении ненужного материала служит замена или точнее подмена моральных ценностей другими, более ощутимыми

в физическом плане ценностями, в данном случае ими должны стать материальные ценности. То есть, говоря простым языком, загибай, Колян, всех раком и получай от этого удовольствие.

– А если тупо тебя загнут? – Смола сощерил непонятно что выражающие глаза и глупо, но счастливо улыбнулся.

– Дык, ты не загибайся, ствол тебе зачем. Да в конце концов ты чем слушал, если все же загнут, то подмахивай, получай кайф и будь при этом счастлив. Тут главное, не кто сзади, а кто раком, главное кайф получить, секаешь.

– Не, хрень какая-то, да и ты выражайся яснее, а то опять умняка включил, так и в дурку недолго с таким базаром. Ну короче, чет я не хочу, чтоб меня загибали.

– Не, ну здесь уже конечно дело выбора, че тебе так сказать ближе. Это я на случай, если ствол не поможет. Ну то есть не надо теряться, плакаться, бить кулаком в свою гордость и предубеждение, а просто ловить кайф, коль загнули. Это в девяностые в падлу было. Сейчас порой кто раком лучше тех, кто сзади живут. Не, ну тут конечно есть свои нюансы, если силой загнули, то тут прибыли в скором времени ожидать трудно, а если сам вовремя подставился, да еще на твоей роже публичный кайф нарисован... Еще клоуном быть неплохо, кстати. Ну таким беспринципным. С пошлыми, но любимыми народом шуточками.

– Ну клоуном куда ни шло, – Смола заметно расслабился и откинулся на сиденье автомобиля, ему словно заметно полегчало от возможности выбора.

– Не, ну клоун тоже гей. А как иначе-то, за скобрезные циничные шутки мигом раком поставят, а без них никак нельзя успешному клоуну. Ну тут как, днем народ смешишь, ночью раком стоишь перед теми, кто всегда прав. Только я вот что тебе скажу, давай этот базар между нами останется, кто-то неправильно понять может, а кто-то априоре неправильно понимает, последствия плохими быть могут. Впрочем, полагаю, ты и так ни хрена не понял из того, что я тебе сказал. А если все же до кого-нибудь донесешь этот разговор исключительно в своем понимании, то тебя либо пожалеют как блаженного, либо поржут, потому как все будет выглядеть типа – один гей, у которого ствол длиннее, загнул другого гея, который клоун, или мне тут сказали, что клоуны по ночам на панели подрабатывают...

– Не, ну ты умным-то себя слишком не считай, я понимаю, что у тебя незаконченное высшее философское образование, но вот так нарвешься когда-нибудь на продуманного типа, тебя самого раком поставят. Короче, закрыли тему, давай лучше в города поиграем – Шанхай...

– Родившийся в Шанхае да и издохнет в Шанхае... Я понимаю, что кроме как по физкультуре ты пятерок в школе не имел, но как бы по жизни знать-то надо, что кроме Москау, Шанхая и колхоза Старые Упыри есть еще населенные пункты, ты хотя б кроссворды как охранники в свободное время разгадывал, самообразовывался таким нетривиальным образом. Глядишь, удивил бы меня в следующий раз какой-нибудь Куала-Лумпурой или Бразавилем.

– Дурака во мне нашел, что ли, – было заметно, что Смола начинал злиться, – знаю я Бразилию, там футбол и карнавал. И что коала это не город, а животное.

– Ну да, ну да... ты как всегда прав. Меньше знаешь, лучше спишь. Колян, ты хорошо спишь?

– Плохо, – уже в бешенстве процедил сквозь зубы Колян.

– Ну да, ты ж Бразилию и коалу знаешь...

– А ты знаешь, как пальцы ломают...

Собеседник Смолы тоже откинулся на сиденье и закатил глаза к потолку машины с видом потерпевшего неудачу в просветительской деятельности миссионера, которого дикари туземцы несут связанным по рукам и ногам к костру для приготовления праздничного обеда. Смола удовлетворенно хмыкнул, высунул голову в окно машины и стал разглядывать ноги проходивших мимо студенток.

Кто такой Смола? Первую машину он угнал в двенадцать лет. Не ради обогащения, а потому что лень было идти пешком в ларек за сигаретами. В дальнейшем он угонял их с пери-

одичностью раз в неделю. В ларек он уже как правило не ездил, а либо гонял по городу, обдуваемый ветрами приключений, в целях поддержки нормы адреналина в крови, либо просто разбивал изошренными способами, ощущая себя как минимум гонщиком формулы 1 и каскадером с киностудии "Мосфильм" в одном лице. Лет в пятнадцать проявился меркантильный интерес, после того как однажды он был пойман и условно пожурен взрослыми дядьками в погонах, законно полагая, что бестолку угонять это по-детсадовски глупо. Он приспособился отделять без особого труда отделимые части автомобиля и продавать их. В шестнадцать его еще раз поймали, и один бывалый сиделец то ли по ошибке, то ли специально оказавшийся в камере для несовершеннолетних сказал, что он мелко плавает, коль ступил на путь криминальной кривой, то и здесь не помешало бы выбиться в люди. Будучи в очередной раз пожуренным, Смола вышел на свободу уже точно имея заветную цель выбиться в люди. Начал он с того, что сломал местному подростковому авторитету обе ноги обрезком железной трубы, каковую он в дальнейшем считал лучшим оружием агрессивной обороны, чем заморская бейсбольная бита. В целях повышения квалификации и образования он стал отбирать мобильники и деньги у сверстников и пьяных дядек. Но профессиональным гопником ему так и не суждено было стать. При попытке конфисковать телефон у пьяного прохожего он нещадно был избит этим прохожим, после чего посажен в багажник и доставлен к местному пруду для утопления в самом расцвете сил. Смола молча воспринял удар судьбы, не проронив ни слова уже будучи по горло в воде. Не, ну если быть до конца честным, он просто вследствие простуды был напрочь лишен голоса на тот катастрофичный момент, в душе же Смола орал, надрывался что есть мочи. Его стойкое молчание видимо понравилось мстительному прохожему и двум его сотоварищам, вызванным специально по этому случаю. Смола был помилован, с ним была произведена ознакомительная беседа, после чего его приняли в самую настоящую банду на должность рядового сотрудника, ну естественно с перспективами карьерного роста. Банда промышляла грабежами и киднеппингом, а обиженный Смолой прохожий оказался ее главарем.

Банда представляла собой разносторонне развитый коллектив как в смысле подбора участников и их персональных данных, так и в смысле подхода к делу. Если Смола больше смахивал на представителя клана братков из девяностых, касательно ума, методов борьбы за свое светлое будущее и активности, то тот же собеседник Смолы, образованный бандит по кличке Шпала (прозвище не было связано ни с образованием данного субъекта, ни с личностными данными, а имело неизвестную форму происхождения) принадлежал к некой новой еще не описанной, видимо недавно выведенной формации бандитов, отличавшейся особо циничным подходом и жестокостью, блиставшей знаниями и аналитическим умом, при этом он был трусоват и по-интеллигентски милостив, жертвы, если таковые были, добивал кто-то другой, после длительных и особо мучительных пыток, им произведенных. Разносторонность развития других членов банды описывать не буду, потому как дело долгое, нудное и ненужное, поскольку кроме вышеупомянутых персон в нашем повествовании примет участие всего лишь еще один субъект, на данный момент мирно спящий в салоне автомобиля, склонив буйну голову на руль.

Как Смола дошел до бандитской жизни, лучше спросить у него самого, правда я бы не рискнул, как известно, пальцев всего десять и кости больно долго срастаются. Но чисто гипотетически могу предположить, что тут сказался недостаток воспитания со стороны отца, горького пьяницы и семейного дебошира, и матери, ударницы капиталистического соревнования, вкалывавшей на фабрике с утра до ночи, а в свободное время злоупотреблявшей на пару с папашей паленым суррогатом в целях ухода от опостылевшей действительности, в связи с чем не имевшей времени и достаточного влияния по отношению к сыну. Думаю, не стоит далеко ходить, чтобы понять, что и путей жизни у Смолы было не так уж и много. Тут либо пойти по стопам отца, либо рано или поздно начать осваивать университеты тюрем. По стопам папаши он не пошел, видимо генетический материал одного был слабоват, а по части университетов его пока что бог миловал, ограничившись условными сроками по малолетству. Кроме воспита-

ния, полагаю, свою долю влияния оказали улица, телевизор и наследственная неприязнь пролетариата к частным собственникам. Смоле было двадцать три года, отличался он отличным здоровьем и физическими данными, прослеживалась его явная не любовь к знаниям, не относящимся к профилю занятости, и с недавних пор у него появилась тяга к роскоши, проявлявшаяся в покупке дорогих сигарет и спиртного равно как презрение ко всему китайскому, а также в присмотренном в одном из автосалонов заграничном автомобиле. В общем, Смола был простым парнем, со своими устремлениями, мечтами и способами их реализации, которому как-то не подфартило родиться в нужной семье, в нужный момент да и в нужной стране.

Как вы наверно уже успели заметить, звали Смолу Колян. Думаете, это приколы. Ни в коем разе, просто видимо в страну пришла эпоха Колянов еще с незабвенных девяностых, то ли это Бог награждал особый тип людей таким именем, как бы маркируя их и ставя свой знак качества данного типа данному типу, то ли это какое-то невероятное стечение обстоятельств, схожести мыслей и идей родителей, в свое время оказавшихся у дверей ЗАГСа, преисполненное фатализмом судеб их новорожденных чад. Правда были еще Толяны и Вованы, но преобладали, нужно отдать им должное, все же Коляны. Да и бог с ними, сути это не меняет, да хоть Евлампий и Ксенофонт, лишь бы как говорится, человек был хороший, по крайней мере в своем деле. А Колян им был, он даже не представлял другого развития своей судьбы. Нет, не из-за недостатка ума, а просто не представлял, без каких-либо причин, следствий и ударов судьбы.

Колян с детским похотливым любопытством разглядывал ноги девушек в коротких юбках, глупо улыбался, посмеивался как дурачек чему-то своему, частенько оборачивался к товарищу и тыкал пальцем в сторону очередных ног, пытаясь привлечь его внимание, при этом что-то пытался для большей убедительности сказать, но лишь бесвязно мычал, расплываясь в еще большей глупой улыбке. Шпала брезгливо косился на него взглядом, полным чувства превосходства цивилизованного туриста над дикарем из дебрей Амазонки, безгранично-наивно радующегося блестящей погремушке, и думал о бессмысленности мира, в чем-то вполне резонно полагая, что творец был не совсем вменяем при его создании. Вышедший из дремы и приподнявший голову с руля третий участник событий Леха "Була", не думал ни о чем, поскольку пребывал в том мерзком состоянии между сном и явью, когда еще ничего не охота, но уже что-то требуется от абсолютно инфантильного и вялого организма.

Вся троица оказалась вместе в машине не просто так, что порой случается с молодыми людьми в этом прекрасном возрасте, не дабы погонять по улицам города в поисках приключений и девушек, которые непрочь чтоб их потанцевали, серьезное дело привело их к зданию университета. Как бы сказал по этому случаю известный в узких кругах бандит по кличке Клизма – качество нынешних серьезных дел заметно отличается от бывших, родом из девяностых, дел, по разделу сфер влияния в частном секторе бизнеса, в комплекс которых в обязательном порядке входили: наезд, стрелка и торжественные похороны, а главным действующим лицом был пистолет – как там у поэта: "Ваше слово, товарищ маузер" – нынешние серьезные дела требовали более вдумчивого, разборчивого, душевного, что ли, подхода. Тут с пистолетом не сильно-то и развернешься, с учетом того, что ломом, против которого, как известно, нет приема, в нынешних реалиях выступали небезызвестные госструктуры. Когда тебя прессируют незаконные бандформирования это одно, а когда вполне себе узаконенные... В общем, это раньше абориген криминального мира мог с профессиональной гордостью и сарказмом заявить – дела у прокурора, а у нас делишки – то сейчас недостаточно серьезное отношение к серьезным делам вполне могло вылиться боком, да таким, что на всю жизнь боком и останешься. Как выражался тот же Клизма, "боковой" – это не тот, кого поставили раком, опустили, отпустили, а тот, для кого выпрямиться, стать прямоходящим уже невозможно, вследствие нестерпимых болей в позвоночнике души. Потому даже идя на простой грабеж, сто раз подумаешь в выборе клиента. Это гопникам по барабану, но там свое, из гопников в "люди" фактически невозможный перфоманс, если задержался в этом счастливом блаженном состоянии, где присутствует

прежний принцип – поставили, опустили, отпустили, на веке вечные зависая в отпущенниках. У серьезных людей куда как все серьезней. Серьезный человек изначально настроен на новое мышление, напрямую связанное с капитализмом – деньги должны делать деньги, а не тупо пропивасиваться после очередного гоп-стопа. Серьезный человек пушку в руки берет разве что если лоха надо вернуть в реалии земли, после того как тот подрезал тебя на дороге и начал борзеть, а биты как назло под рукой не оказалось. Ну это ладно, не будем больше задерживаться на описании современных деловых людей, все живем сейчас, знаем и без моих потуг.

Так как Колян и К° были рядовыми бойцами и до серьезных пока как-то не дотягивали, то пушки и соответственное к ним отношение все еще присутствовали в их рядах. Покрутить в руках, пострелять на природе по бутылкам они любили. В деле тоже частенько применяли, но конечно не в соизмеримых с девяностями пропорциях. Серьезность любого дела, скинутого им свыше, подразумевалась сама собой, обсуждению не подлежала и требовала обязательного исполнения, порой даже пошагово и в деталях. Думали наверху, внизу исполняли и радовались упоминанию фамилии и должности бойца в списках поощренных на корпоративном празднике. Типа – киллер Николаев славно постарался в этом месяце на благо процветания компании, устранил недобросовестного конкурента. Или даже так, старший менеджер отдела по связям с конкурирующими компаниями в личной встрече с представителями оных качественно решил вопросы по взаимодействию в работе с банковским сектором. Ладно, опять отвлеклись.

Колян с коллегами работал в отделе киднеппинга. Это было новое направление в их бандитском бизнесе, малоосвоенное, но по мнению начальства весьма перспективное. Банда хоть и была средней руки, но бабло и интересы уже заметно превышали собственные способности пищеварительной системы, старая история про жадность и фраера. Но им пока везло, в серьезные переделки ни руководство, ни рядовые бойцы не попадали. В активе банды было три похищения, два с целью непосредственного приобретения прибыли и одно, связанное с отъемом бизнеса. В первых двух случаях похищенных убивали, в одном случае обоготившись, в другом нет, а в деле с отъемом похищенного пришлось отпустить, ну там своя специфика, жаловаться он вряд ли бы куда побежал. Впрочем, всех подробностей бойцам знать не полагалось, так что особой разницы не было, какая там специфика. Насчет предстоящего дела бандиты тоже не были введены в курс, "на руки" получены пошаговые инструкции и вперед к победе идей и желаний.

– Что, Колян, рецидив любви, – по-прежнему меланхолично разглядывая потолок, сказал Шпала, – беги, Колян, от этих пошлых мыслей. Оно изобилует множеством негативных побочных эффектов. Таковых как дети, празднично-выходные поездки к теще на блины и вечно-недостроенная дача с непрополотыми грядками, домашние тапочки и наваристые борщи служат малым утешением и компенсацией за моральные и физические страдания, как следствие большой, неповторимой и пылкой. Ты наверно искренне считаешь, что халявных секс все сгладит и преобразит будни семейной жизни в ежедневный праздник, позволь с тобой не соглашаться, через несколько лет он превратится сначала в работу, без видимых доходов, потом в неприятную обязанность, закончится все обузой, при одной только мысли о которой у тебя будет все опадать, а сам ты станешь во сне наблюдать толстозадую и желанную соседку Вальку, но в реале бояться с ней каких-либо сношений, поскольку законом прописан негласный брачный договор при разделе имущества в связи с разводом, а за ипотеку тебе еще платить и платить. Нет, Колян, эти ноги дурно пахнут...

– Слышь, оставь свои педиковские мысли при себе, – Колян усек, в его понимании, главное в монологе словоохотливого товарища, – если ты баб не любишь, сшей себе килт и хреначь на гей-парад.

– Да, какой же ты все-таки трудный, – Шпала даже повеселел от возможности продолжения развития темы. – Я, Колян, к геем отношусь инфантильно, а не как ты фанатично-нетерпимо, что видимо говорит о том, что из нас двоих латентным гомосексуалистом являешься

именно ты. А коль удосужился выучить загадочное слово килт, с гипотетически-отдаленным представлением о нем, то знай, гордые горцы, во главе с Дунканом Маклаутом, никогда тебе не простят грязных намеков на их сексуальную ориентацию.

– Я те щас за педика пальцы сломаю, – Смола резво повернулся к напарнику и злобно уставился на довольное, ухмыляющееся лицо Шпалы, – не гипотетически, а реально.

– Ну, ну, Колян, успокойся, про педика не я, а ты начал, – Шпала вновь струхнул, не выдержав жесткого пронизывающего взгляда, – ты не понял сути моих слов про любовь...

– И понимать не хочу, – фыркнул Колян. – Да и кто тебе сказал, что я в какую-то любовь играть собрался. У меня разговор короткий, как говорит Клизма – увидел тело, действуй смело, трахни его всеми доступными способами.

– Ну, считай, что я тоже о непорочном зачатии, – явно не для Колянова понимания, а может, наоборот, как раз для него, съязвил Шпала.

– Умный да. Телки сами просятся, чтоб их станцевали, и больше чем уверен, никто о скором замужестве во время секса из них не думает. Бабам кайф нужен, а не дети и борщи.

– Как говаривал небезызвестный классик одного из революционных движений – сексуальная революция, о необходимости которой так много говорили в последнее время, свершилась. В умах и поступках освобожденного пролетариата. Тут можно вернуться к предыдущему разговору о ломке моральных устоев. Ура, товарищи, пролетариат теперь свободен, абсолютно свободен от догм и навязанных норм поведения и мыслей. Не дрефь, Колян, я с тобой. Дети все равно в пробирках теперь рождаются. Не..по..ро..чно... А порок теперь не более чем спорт – баб-слей к примеру.

Чиркнула зажигалка и в воздух взвился синевато-серый дымок сигареты. Окончательно пришедший в себя в ходе занимательной беседы сотоварищей Була глубоко затянулся и сказал:

– Не, а я понял Шпалу. У меня двоюродный брательник в деревне вот так танцевал, танцевал и дотанцевался до двойни в одном месте и до тройни в другом. Сейчас в одном месте борщи и теща, в другом алименты.

– О как, отец героин получается. А еще говорят низкая рождаемость у нас, и заметь Колян, без всяких пробирок, прокатился, так сказать, обдуваемый ветрами кайфа на бобе, – усмехнулся Шпала.

– В деревне понятное дело, – возразил Колян, – они ж трахаются без разбору и меры что кролики. Без

предохранительных гандонов. Отвечаю, братана сразу новая родня на стволы и ножи поставила, тут хочешь не хочешь женишься.

– А ты че, Колян, думаешь в городе все на халявку прокатит, бабы щас умные и меркантильные, – сказал Шпала. – Вот что с тебя взять? На секс-монстра ты явно не тянешь, тут еще двояко, получишь с тобой кайф или одни мучения. Посему, танцовщица сразу в уме имеет две вещи – единовременную мзду, за зря потраченное время, либо вечный оброк, который клиент будет отрабатывать всю оставшуюся жизнь. Небольшую мзду ей гордость не позволяет брать, она ж не проститутка, а бриллиантами осыпать ты не в состоянии, поэтому вывод, ноги, которые согласятся лечь с тобой в постель, скорее всего в отдаленной перспективе имеют ввиду замужество с непременно участием твоей персоны.

– Ага, разбежался, пинок под зад и алфидерзейн, – глумливо показал зубы Колян. – Ног много, я один. В пинок я от всей души вложу и мзду, и перспективы...

– Колян, я смотрю ты вообще скоро спать перестанешь, ты ж в школу даже из сексуальной тяги к одноклассникам не ходил. А тут целый алфидерзейн, давича килт...

– Не глупей тебя, улица многому учит. Хошь скажу, как по-даговски пальцы сломаю будет.

– Кто о чем, а Колян о ракетах... Не, реально, Смола, может ты втихушку под одеялом "Что?Где?Когда?" смотришь.

– Блин, ну все достал...

Смола всем телом уже было развернулся к навязчивому подельнику, собираясь не на словах, а на деле объяснить Шпале, как будет по-даговски сломанные пальцы, но в это время Була выпрямился как штык, насколько это было возможно при его габаритах в просторах малолитражки, поднял согнутую в локте руку, дабы привлечь внимание товарищей и тихо, словно боясь посторонних ушей, сказал:

– Моменто море, господа, кажись она тяпает...

Шпала, не сразу въехавший в суть, хотел было развить понимание не совсем в тему сказанного словосочетания "момент аморе", на сей раз глумясь над Булой, но вмиг успокоился под прицелом пронзительно-уничтожающего взгляда Смолы.

О девушке из высшего общества можно только сказать, что она девушка из высшего общества. Все наше представление о ней исчерпывается сводками светских новостей, глянцевыми журналами и мыльной литературой, зачастую написанной ей же самой либо страдающими катаклизмами души домохозяйками. Известно, что она богата, окружена толпами альфа-самцов либо наоборот, печально одинока. Она является неременной посетительницей презентаций, показов мод, выставок современного искусства, элитных ночных клубов и прочих культурных мероприятий топ-уровня. Ее интересы в нашем представлении лежат в области бриллиантов, яхт и дорогих машин. А ее голубая мечта – получить приглашение на закрытую вечеринку по поводу рождения британского наследного принца – зачастую так и остающаяся голубой мечтой, поскольку наследные принцы рождаются не часто, а девушек из высшего общества много. Еще известно, что она пинками открывает любые двери, даже самые могучие и неприступные, по крайней мере она сама так о себе думает и говорит. А простой обыватель зачастую не видит разницы между девушкой из высшего общества, светской дамой и элитной проституткой. И это пожалуй все, что мы знаем о девушках из высшего общества (ну если, конечно, не считать собственных локальных домыслов), впрочем не более нам известно и о самом высшем обществе.

Лиза была той самой девушкой из высшего общества. Исходя из всего вышесказанного, я не стану описывать, какой она была на самом деле, дабы не вносить сумятицу в умы читателей и не разрушать устойчивые радующие душу мифы, о жизни девушек из высшего общества. Скажу только то, что отец ее был местного уровня промышленным магнатом, а сама она в данный момент спешила на встречу с тем самым альфа-самцом, невзрачным парнишкой из параллельного курса университета, чья принадлежность к высшим социальным слоям была очень и очень условна. Да, да, вы не ослышались, Лиза училась в провинциальном университете, а альфа-самец не был даже перспективным ботаником, не говоря уже о богатстве и положении в обществе. Ну не станем на этом заикливаться, развивать тему противоположностей, да и вообще отклоняться от заданного повествования, к тому же ни парнишка, ни университет больше нам не встретятся. Лизе было 18 лет, она была стройна, красива и блондинка (вот ржать только не надо, на моем жизненном пути встречалась блондинка, за пару секунд складывавшая в уме десятизначные цифры, другое дело, что они по обыкновению назывались суммами денежных единиц, но суть-то от этого не меняется, сами попробуйте, не уверен, что у вас даже с денежными единицами получится).

Лиза припарковала машину на стоянке, пересекла тротуар метрах в трех от автомобиля бандитов, завернула за угол и направилась в сторону университетского стадиона.

– Вишь, она не только умница и красавица, а видимо еще спортсменка и в душе комсомолка, – сказал Шпала, наконец-то понявший, в чем суть предупреждения Булы. – Давай за ней, там гаражи, она полюбому через них пойдет.

– Щас нет комсомольцев, – усмехнулся Колян, – активисты есть, а комсомольцев нет.

– Ты разницу видишь? А ну да, у комсомольцев идеалы были и совесть. Так они шас лишние, это, Колян, тяжкий груз, это, Колян, гири на шее спортсмена, приготовившегося к заплыву на дальнюю дистанцию жизни, утопнешь, Колян, не станешь победителем, ты даже проигравшим не станешь, ты просто утопнешь.

– Хватит философствовать, ты командуй, – сказал Була, провожая внимательным взглядом девушку за угол. – И кто тебя только старшим поставил, в гробу я таких старших видал.

– В гробу говоришь... Я же тебе сказал, медленно за ней... А все претензии к руководству...

Була нажал на газ, машина дернулась, сидевший впереди Смола, склонившийся вперед, будто желая заглянуть за угол, ударился головой о лобовое стекло и тихо сматерился.

– Була, ну ты как-нибудь поосторожней что ль, нам Коляновы мозги во как нужны еще будут, – съехидничал в очередной раз Шпала, и продолжил на прежнюю тему, пока машина неторопливо поворачивала за угол: – Вот, Николай, смотри, с чем рифмуется слово комсомолец, сразу навскидку, без раздумий...

– Многоженец, – Колян был рад, что Шпала не стал развивать тему его мозгов, потому поддержал разговор.

– Не, Колян, во-первых не в рифму, а во-вторых давай без фрейдовских умозаключений, а по-простому, типа – огурец молодец, – развеселился Шпала и тут же осекся, понимая, что огурец-молодец еще более по-фрейдовски, но вслух ничего не сказал.

– Ну тогда, многоборец, – Колян не знал толком, что такое фрейдовские умозаключения, но благоразумно переспрашивать не стал.

– Ну, конечно, рифма тугая, зато как в точку, – Шпала похлопал одобряюще по плечу Коляна. – Вот, многоборцами они по своей сути были, многого хотели, даже искренне, не их вина что мало получалось, максималисты в общем. Ну а вот навскидку, активист.

– Тракторист, – заржал Була.

– Тупо, конечно, но тоже в чем-то попал, прут как трактора, по бездорожью – ломая кусты, деревья, по асфальту – превращая трассу первой категории в бездорожье, а по целине – вспахивая борозды для посева семян новых веяний, под чутким руководством главного агронома. Но я бы сказал – карьерист, ясно и понятно, без Фрейда и метафор. Эгоист еще более в точку.

– Садомазо...

Машина резко затормозила, свернув за угол первого же гаража, упершись прямо в девушку. Смола, не договорив, вновь ударился лбом о лобовое стекло, видимо на этот раз сильнее, поскольку взгляд его в первые секунды был немного странным и мутным.

Отскочившая в сторону девушка чуть оторопело и зло посмотрела на сидевших в машине парней. Она не выглядела испуганной или растерянной, а даже наоборот, была довольно активной и решительной.

– Куда прешь, баран?!.. Обкурился что ли... Права, блин, понакупают, быдлы...

Смешнее всего в этот момент было смотреть на Коляна, его взгляд и без того был весьма загадочен после удара, а после слов девушки он стал выражать всю накопленную веками боль угнетенного народа вкупе с тоскливой злостью старого импотента на выпускном балу гимназисток. Желания и возможности – вечный плохо решаемый вопрос человечества. Колян, видимо, хотел в этот момент даже не сломать пальцы, а убить девушку, но в то же время было понимание, что товар, по крайней мере до определенного момента, не может быть испорчен.

– Ты че, падла, кобыла, ругаешься, – сказал Колян, не найдя ничего более подходящего соответствующему моменту.

Девушка скривила рот, оценивая интеллект оппонента, и сказала:

– Мудак первобытный.

– Коротко, ясно и доходчиво. Колян, только пальцы ей не ломай, прошу тебя. Визгу будет, за гаражами стадион с физкультурниками, – открывая дверь, сказал Шпала.

Он вышел из машины, девушка отступила на шаг назад. Но с другой стороны уже подходил Була. Только теперь девушка перепугалась по-настоящему.

– Что вам надо, парни. Не трогайте меня.

– Как я понял, наш друг был огорчен твоими неразумными словами. У него к тебе разговор содержательный, – Шпала схватил девушку за руку, – ну, не бойся, он только тебе за оскорбление заяснит.

– Я кричать буду, у меня там друзья каратисты, – Лиза посмотрела в сторону стадиона, искренне надеясь, что футболист и каратист имеют хоть что-то общее.

– Ну да, – кивнул в знак согласия со словами друга Колян, – за слова только ответишь...

– Насилуют, – еле слышно пропищала девушка, ясно чувствуя, как от всевозрастающего чувства беспокойства и страха у нее пропадают силы и голос.

– Кому ты на фиг нужна... Була, хватай ее и в машину, – Шпала уже крепко держал девушку и старался дотянуться свободной рукой до ее рта, дабы заткнуть его.

Була без разговоров схватил Лизу сзади, полностью обездвигил, огляделся и потащил к машине. Шпала в этот момент только мешал ему, вследствие чего, улучив момент, девушка предприняла попытку освободиться. Откуда -то в этот момент у нее появились силы, и даже немаленькие. Девушка стала брыкаться, стараясь вырваться. Тут еще Колян застрял возле открытых дверей, не совсем понимая, что ему делать. Стала образовываться куча-мала, вследствие неорганизованных действий, сопротивления девушки и попыток каждого из киднепперов быть полезным.

– Колян, багажник открывай, – проорал Шпала.

Смола, будучи ближе всего к машине, тем не менее имел наименьшие возможности открыть багажник, но попытку предпринял. Что произошло дальше, никто из бандитов толком не понял и впоследствии не смог объяснить. Колян, застряв между кучей-малой и машиной, тянется к багажнику. Шпала, изначально лишь мешающий транспортировке, споткнувшись, оказывается на земле под ногами всех. Девушка спотыкается об него и оказывается сверху. Була, дабы не завалиться со всеми, на мгновение выпускает девушку. Тут Колян меняет свои намерения, видя, что происходит, сам старается ухватить жертву, но оказывается на ней. Була окончательно теряет контроль и ко всему получает сильный укус указательного пальца со стороны Лизы. Шпала, придавленный двумя телами, вопит что-то о раздавленных яйцах. Колян стойко молчит, и еще крепче вжимает в землю Лизу, а соответственно и Шпалу с его яйцами. На последнем издыхании Шпала орет, чтобы Була не стоял столбом, держась за палец, а предпринял какие-нибудь действия к обездвигиванию все еще отчаянно брыкающейся девушки. Була, видимо, потерявший контроль не только над ситуацией, но и над собой, хватает с земли камень и заносит его над головой девушки. В этот момент Шпала, исходя из принципа, что спасение утопающих дело самих утопающих, последним усилием воли каким-то чудом скидывает с себя девушку и стокилограммового Коляна, в результате чего голова Смолы оказывается на месте, где только что была голова девушки. И тут же получает мощнейший удар камнем...

– Два фраера в камере, один лежит, другой ходит. Тот, что ходит, спрашивает, ты вот мол умный, государство на бабки кинул, поясни за теорию относительности. Второй отвечает, все мол просто, вникай – ты ходишь, я лежу, а вместе мы сидим.

– Древний анекдот, ты лучше скажи, за каким хреном Коляна повредил.

– А че? Я че виноват, что Колян башку подставил.

– Да ни че, ты как бил, ты Коляна вырубил! Представляешь, Коляна! Ты бы эту шалаву убил, черепушку бы расколол.

– И че, все равно ее скорее всего замочим.

– А это не тебе решать. Твое дело ее на хату привезти и охранять. Если папаша решит удостовериться, жива ли дочка, ты что ли вместо нее в трубу пищать будешь?

– Да ладно, не буксуй, жива ведь. А Колян переживет, у него черепушка крепкая. Его по малолетству на угоне хозяин машины поймал, монтажкой по башке долго стучал, ни че ведь, жив как видишь.

– То-то я смотрю он такой сообразительный. Вот ведь, монтажкой по голове и даже в уме не повредился, Бразилию и килт знает.

– Ну ты сильно-то не иронизируй, он и до монтажки не очень-то был по части мозгов. Зато человек хороший...

– Ну да, ну да, главное не ты в человеке, а человек в тебе.

Колян открыл глаза. Рядом раздавались голоса. Он прислушался – голоса были знакомыми, неизвестно чьими, но он точно знал, что знакомыми. Колян попытался понять, где находится и чьи это голоса. Но попытка оказалась неудачной. В сущности попытка дала свой результат, но скорее отрицательный. Колян к своему изумлению вдруг понял, что он никого и не помнил. Вообще никого, кроме двух странных персонажей, Буратино и Терминатора. Но ясно, что говорившие ими не являлись, поскольку один был деревянный, другой железный, а неизвестные собеседники были, судя по всему, обыкновенными людьми. Почему он помнил этих двух персонажей, Колян не знал. В голове явственно ощущалась свистящая пустота. Все это настораживало. Единственное, в чем Колян без труда разобрался, было то, что он едет в машине, лежит на заднем сиденье, а обладатели подозрительных голосов находятся спереди.

– Слышь, а я кажись врубился в теорию относительности.

– Да неужели, как в анекдоте или что-то свое изобрел? Ее, так между делом, и физики с учеными степенями не до конца понимают.

– Причем здесь физики, дело-то на зоне было...

– А, ну да, я и забыл...

– Объясняю как по-проще, на примере. Ты сидишь на правом сиденьи, я на левом, но вместе мы едем, то есть все в мире относительно, ты можешь сидеть, стоять, лежать, но в реале ты едешь. Врубился?

– Неа, не дошло до меня, в чем открытие Америки, даже через форточку. Вот такой я видимо убогий, я уж про несчастных, видимо сильно ошибавшихся физиков молчу...

– То есть, они лежат, ходят, но относительно всей тюрьмы они сидят...

– Погоди, погоди, это выходит, что мы как бы сидим, но относительно машины едем?.. Сам-то понял, что сказал...

– А, ну да, путаница. Тормозул. Получается, это они относительно тюрьмы ходят, лежат, а относительно остального мира, выходит, сидят. Значит, относительно машины мы сидим, а относительно улицы едем.

– Погоди, если базарить как ты, то получается, типа эти фраера сидят только относительно всего того, что находится за пределами тюрьмы, но относительно самой тюрьмы они не сидят, за исключением сидения на шконке, то есть они типа свободны. Да тебе, братец, Нобелевскую премию пора давать, заслужил, ей богу заслужил, утер-таки нос пресловутым физикам. Конечно, относительно физики твоя теория более чем своеобразна, но масштабы, куда там Энштейну со своей пространственно-временной связью. Это ж надо, столько сидельцев в один момент освободил. Тебе памятник нерукотворный пора ставить. Не, реально, пока я на свободе, те, кто в зоне – относительно меня сидят, потому я туда и не хочу попадать, но как только я туда попаду, то относительно зоны буду делать что угодно, ну в пределах распорядка конечно, но только не сидеть, исключая шконку, значит буду свободным... Не, реально открытие мирового масштаба...

– Не, погоди, что-то не так, чувствую, где-то есть подвох. Это мусорской расклад, братве мозги замочалить. Якобы, добро пожаловать в наши стены, чувствуйте себя здесь абсолютно свободными... Хрень какая-то...

– И че, так быстро сдаешься, отказываешься от гениальной идеи, сдался под напором обстоятельств... Да, не первопроходчик ты, Була, не первооткрыватель, лаборант ты, Була, испугавшийся собственной идеи и отдавший предпочтение пробиркам, так спокойней, так уютней, а то не дай бог что откроешь такое мусорское...

– Ладно, кончай грузить. Звони лучше Хмелю.

– Так это не я начал. Хотя теперь понимаю, почему мои предки скорбят по счастливому советскому прошлому, ведь относительно своей страны они были свободны... Да, реально открытие мирового масштаба, теория относительности свободы... И в нынешних реалиях применима, оказывается дело в том, относительно чего мы свободны...

Колян лежал не шелохнувшись, пытаясь вникнуть в новый вдруг открывшийся для него мир. Новый мир встречал его загадками. Из всего вышесказанного он понял только одно, пока он в машине – он свободен, но как только он выйдет, тут-то для него и откроется вся жестокость этого мира, тут-то он и поймет, что машина была тюрьмой, и что тебя, возможно, окружают множество разных по-своему тюрем, он поймет, насколько беспощаден этот новый для него мир. Коляну стало не по себе и ему даже расхотелось прояснять ситуацию, выходить из машины и понимать, где он, кто он и почему он.

– Аллю... Хмель... ага, телка у нас... куда... к Сержанту... о'кей...

– Че сказал?

– К Сержанту на хату, щас позвоню ему, пусть встречает, – Шпала набрал номер. – Чет трубку не берет...

– Слышь, Шпала, я вот че подумал, сейчас есть бедные и богатые, и если разобраться, то никакой справедливости в натуре...

– Ну и че?

– Мы вот телку сегодня похитили, бабла срубим, ее может мочканем, ну это ее проблемы. Я вот про че, мы бабки поимеем, значит как бы обогатимся. Но обогатившись, мы несправедливость не исправим. А значит, какой-нибудь урод в будущем и нас может мочкануть...

– Слышь, ты, Робин Гад, ты че сегодня несправедливость исправлял. И откуда такие пошлые мысли, если ты про идеологию "грабь награбленное", ну типа богатого буратину на бабло опустить не впадлу и даже почетно, то сам вникни в абсурдность вопроса, кто в свое время ничего не награбил является нищим, а грабить нищего – это полный критинизм и патология.

– Ладно, магнитофон лучше включу, а то какая-то хрень в голову лезет. Еще и Колян в отключке, так бы че про Бразилию может рассказал, сильно все-таки видимо я его саданул...

– Как бы он теперь всегда про Бразилию не стал говорить, про одну только Бразилию и навсегда...

Була включил DVD-проигрыватель, голос из динамика межшансонно-эстрадного тембра пропел: "...А когда мне становится плохо, я включаю свой отбойный молоток и долблю им нежное женское лоно..."

– Мы один раз одному педик у очко долото забили, – безразличным голосом сообщил Була. – Это когда я еще с гопотой тусовался. Прикинь, кажись он даже балдел.

– Это ты к чему? – спросил Шпала. – Гордость за свое удалое гопстоповское прошлое.

– Мы тогда всех гоняли, эмо там, этих еще размалеванных, во вспомнил, готы, – проигнорировал вопрос поделщика Була. – Ниче так, весело было.

– Так зачем бросил столь веселое занятие.

– Да ну его, прибыли совсем никакой, телефон отожмешь, тут же пробухаешь...

– Ну да, ну да, алкоголизмом пахнет.

Колян понимал отдельные фразы разговора, но суть и смысл сказанного впереди сидящими людьми до него не доходили. Он решил, что настал момент прояснить ситуацию, так можно до бесконечности пребывать в межпространственном состоянии без малейших перспектив к пониманию процессов, происходящих вокруг него. Пришла пора легализоваться. Непонятное слово пришло в голову само-собой, что обозначало, он не знал, но был уверен, что ему именно надо легализоваться. Он приподнялся, положил Буле руку на плечо и сказал:

– Где я?

Була подпрыгнул и ударился головой о крышу салона автомобиля, одновременно резко нажав на тормоз. Машина съехала на обочину. Шпала вздрогнул и медленно повернул голову, будто ожидая увидеть сзади как минимум персонажа фильма ужасов.

– Ты че, блин, пугаешь, – едва сдерживая матерки, сказал он.

– Я не пугаю, я просто хочу знать, где я? – пробасил Колян.

– В машине, – съязвил Шпала, – железной, на колесиках.

– Это я понял. Куда едем и кто вы? – Колян замялся, но собравшись с духом решил: – И кто я?

Оба бандита разом оторопело посмотрели на товарища, открыв рты, они молча пожирали глазами фигуру, лицо, а главное уста своего подельника, произнесшие загадочную фразу. Первым пришел в себя Була:

– Ты че мозги нам выносишь? – покусывая губы, немного задумчиво и неуверенно сказал он.

– Ни че я не выношу, – мрачно ответил Колян, предчувствия становились все хуже.

– Ты че ничего не помнишь? – догадался Шпала.

– А должен?

– Ну это как посмотреть, как минимум себя ты должен помнить, – Шпала взглянул на Булу. – Вот тебе результат, а чтоб с девкой было...И че теперь с ним делать, он нам как бы в полном сознании нужен, теперь вот с ним заморачивайся.

– Может ему еще раз долбануть, – предложил Була, – мозги на место поставить.

– Я тебе долбану, – ожил Колян.

Он ничего не помнил и не понимал, в голове была пустота, но отлично осознавал, что если его ударят, то ему будет больно.

– Ладно, фигня, вспомнит, – вынес окончательное решение Шпала, – поехали, дел и так по горло.

– А че это с ним? – спросил Була.

– Кратковременная потеря памяти, амнезия, вызванная посторонним физическим вмешательством посредством удара по башке, – резюмировал Шпала.

Машина тронулась с места и выехала на дорогу.

– Короче, – полностью повернувшись к покалеченному товарищу, стал пояснять ситуацию Шпала, – ты – Колян, он – Була, я – Шпала, мы товарищи и коллеги по бизнесу. В багажнике у нас телка, дочка одного бизнесмена, у нашей фирмы с ним товарно-денежные отношения. Сейчас едем на хату, там держать ее будем до особых распоряжений со стороны генерального руководства фирмы. И чтоб без лишних вопросов, что это за бизнес-чел и какие именно товарно-денежные отношения, нам это как рядовым сотрудникам знать не обязательно. Наше дело упаковка-распаковка товара. Понял?

Колян покрутил головой то ли соглашаясь, то ли у него шея затекла от долгого лежания и спросил:

– А че за фирма? И кем мы работаем?

– Ну так себе среднего уровня фирма по зарабатыванию бабла всеми доступными способами. А мы ну вроде как клерки, ну или там менеджеры среднего звена, специализируемся на киднеппинге, ну это профиль такой в работе с клиентами.

– А че такое бабло и почему телка в багажнике? – с наивным умилением во взгляде спросил Колян.

– Ты че – идиот... а ну да, забыл... – Шпала чертыхнулся – Ну лавэ, бабки, гриндолларс, деньги короче. Ну а зачем телка в багажнике, ну это дело вкуса, нравится ей там, понял. Хватит в общем грузить, сиди тихо, врубайся, авось вспомнишь...

– Так ты его не грузи клерками и фирмами, может и вспомнит, – Була перебил товарища. – Короче, Колян, мы бандиты, телку похитили, с ее папаши бабло стрясем, а телку в расход. Все ясно и просто.

Несмотря на всю простоту и ясность, слова Булы Смола понял не больше предыдущего объяснения. Но решил не спрашивать пояснения, а последовать совету Шпалы и молча врубаться, так ему казалось будет надежней и с меньшим вредом для психики. Открывшийся для него мир загадочен и неповторим, именно поэтому лучше в нем не повторяться в поисках ответов на главные вопросы.

– Ну ладно, там если что, – продолжил Шпала, – если уж совсем немоготу станет, можешь что и спросить, поясню как смогу. Но только по делу, со всякими там пошлостями, зачем звезды светят и солнце греет не лезь, а то слышал, Була что предагал, точняк еще раз по башке камнем огреет, он нервный у нас. Попадешь в струю, там легче будет, все будет ништяк и о'кей. Да ты не ссы, вспомнишь, не ты первый, не ты последний. Ну и главное, сам не грузись, хрен с ним с забытым прошлым, я был бы рад половину своей жизни забыть.

Шпала отвернулся от Коляна и принялся снова набирать номер Сержанта.

Смола, предоставленный самому себе, задумался. Он не совсем понимал, что такое амнезия и потеря памяти, тем более что само понятие памяти в его мозгах отсутствовало. Нет, он знал, что это такое, но ничего не помня, не мог осознать его. Ведь каждое слово что-то обозначает и это что-то можно пощупать, понюхать, на крайний случай представить, но как представить и пощупать то, чего нет, он понять не мог. В голове царил хаос, но страха перед неизвестным не было, впрочем, не было вообще никаких ощущений, кроме непонимания. Колян был словно младенец, но младенец знающий школьную программу, пусть на двойку и своеобразно, но все-таки знающий. В голове всплыла Булина теория относительности, но без зексов. Он мысленно пропустил все, что услышал, через мозги, и пришел к выводу, что он сам в данный момент являлся ярким ее прообразом, прообразом относительности свободы. В данный момент не загруженный ничем, с абсолютно чистыми мозгами, он был абсолютно свободным относительно несвободного мира, парабощенного всеразличными оттенками памяти, ограничивающими свободу выбора, свободу понимания мира так, как тебе захочется, так, чтобы не чувствовать себя вечно несчастным в борьбе за свое светлое или не очень будущее. Нет, конечно, он не понимал в достаточной мере вышесказанное и ясное дело даже не пытался сформулировать свое видение, но он точно знал это, знал на каком-то своем только ему принадлежащем уровне. То есть, его необремененный мозг вдруг вобрал в себя некое новое понимание окружающей действительности, тонкое и своеобразное понимание, скрытое от других людей. Но надо признаться, Колян не придал сим процессам должного внимания и интереса, оставаясь безучастным ко всему. Следовало сосредоточиться на главном – как попасть в указанную Шпалой струю, после чего, видимо, ему станет легче, да и вообще все будет ништяк и о'кей.

Конечно, несмотря на внешнее спокойствие, где-то в глубине души его терзало нечто, но что это было за нечто и почему оно его терзало, Колян также понять не мог. Человек потерявший память одинок, он теряет всякую связь с окружающим, его это беспокоит, ему не по себе, но он не может осознать этого беспокойства, и ощущает лишь пустоту, потому как в этом состоянии действительна лишь она. Есть "Я" и есть пустота, а остальное оно как бы и не совсем реально, оно чужое и непонятное, далекое и враждебное. Вселенское одиночество сводит и одновременно не сводит с ума по той причине, что свести с ума можно только относительно

сознания других людей, но относительно пустоты сойти с ума невозможно, хотя все предпосылки к этому есть. Хаос, в голове творится полнейший хаос, но он спокойный, не раздражающий и не проявляющийся наружу. Тебе показывают фильм, ты осознаешь происходящее, но не понимаешь, зачем оно и какова твоя роль в этом фильме. А может ее вообще нет, и ты – ничто, пустота? И только из глубины души приходит понимание, что все это не зря, все имеет смысл, но ты лишний, и это в чем-то раздражает, угнетает, но одновременно и не тревожит, потому что твое "Я" существует, а это главное. И еще есть относительная свобода этой пустоты или свобода относительности пустоты, здесь пока Колян не определился до конца.

В какой-то момент Колян окончательно смирился со своим новым положением, ведь рядом были люди, назвавшиеся товарищами, и было место в этом, пока еще чужом, мире, место бандита, а значит несмотря на внутренние противоречия и хаос, он все-таки не лишний, он вполне себе определившийся субъект, герой фильма по имени – Колян бандит.

Ощущения человека попавшего в багажник? Ну а вы-то сами как думаете? Попадете узнаете. Ясное дело не салон люкс. Минимум условий, минимум комфорта, да и еще эта чертова запаска, особый экстрим на кочках. Кто ж знал, что вы любитель кататься в багажнике. Не по своей воле? Ну это ваши проблемы, а не проблемы производителей машины. Особо не рекомендуется людям, страдающим приступами клаустрофобии. Но в принципе ездить можно, если уж по-другому никак. В конце концов, надо всегда держать в голове, что конечный пункт поездки рано или поздно обязательно будет. Совсем другое дело, результат такой поездки, всякие причинно-следственно-последственные связи. Вот это да, это настоящий экстрим, барабан "Поля чудес" вслепую – развязали тряпочку на глазах, оба-на сектор сюрприз, что вы выбираете, тазик с цементом, подполье или отдых на природе на привязе к дереву. Не, конечно, возможен вариант, что вас привезут в курортную зону и еще штуку баксов на прощание за неудобства дадут. Но то бишь исключение, встречающееся в нашей среде чрезвычайно редко, я б даже сказал по особым праздникам, типа – "День Всемирного потопа". Скажете такого праздника нет. Ну да, нет. Так и вам никто штуку баксов не даст. Ну короче, попал в багажник, будь уверен, одной экстримальной поездкой не отделаешься. Ну а там уж у кого какие извращения в голове.

В багажнике Лизе было весьма неудобно, но это ее заботило меньше всего. Руки и ноги девушки были связаны, но главным была несвобода души, несвобода мыслей о своем ближайшем будущем. Ничего хорошего оно не сулило, сковывая мысли и душу приступом паники и страха. И чем дальше двигалась машина, тем эта несвобода становилась сильнее.

Никаких специфических ощущений сразу после попадания в багажник не было. Были только растерянность и непонимание, что собственно происходит. Первая волна паники накрыла Лизу в момент, когда машина тронулась с места. Как-то сразу стало понятно, что происходящее с ней мало связано с неудачной шуткой. Дальше больше, в голову девятибальным штормом ворвались всеразличные далеко не благие мысли. Так как не было видимых причин для ее перемещения в багажник с дальнейшей транспортировкой в неизвестность, то вывод, с чего бы это все так, напрашивался сам собой – мстительные парни везут девушку в укромное местечко с целью покушения на ее честь. (В связи с этим, стоит отметить, что Лиза была еще девушкой, то есть абсолютно невинной в плане сексуальных отношений. Не станем останавливаться на данном парадоксе, хотя чувствую, многие читатели уже сидят с открытыми ртами, но факт есть факт, а все вопросы по части отсталости Лизы от современных веяний обращайтесь к ней самой, я не знаток женских тайн и душ.) Конечно, неприятность, даже беда, но лишение насильственным путем невинности меркло на фоне того, что с ней могло произойти дальше. Лиза смотрела телевизор, в том числе криминальные сводки, и знала, что делают часто насильники со своими жертвами, кому нужны свидетели. Вопрос невинности отошел на второй план, а паника только увеличилась в размерах.

В какой-то момент сработала защитная реакция организма в стрессовых ситуациях, а голову девушки посетила мысль, что вариантов на самом деле может быть много, и с чего это она вдруг взяла, что ее изнасилуют, а затем непременно убьют. Мысль тут же стала искать альтернативные версии. Но вся проблема в том, что как Лиза ни старалась направить мысли в благоприятное русло развития ситуации, от этих поисков становилось только хуже как в плане вариантов, так и в плане общего состояния. Ее везут с целью продажи в сексуальное рабство, нет, ей точно черные транспатологи решили вырезать лишнюю почку, а может это сумасшедшие, да, о ужас, маньяки, банда Чикотил, все трое сразу и в одном месте, да нет, это кавказцы украли ее по своему древнему обычаю и везут в отдаленный горный аул в качестве невесты для престарелого, но авторитетного джигита, а что, пример был, она сама видела по телеку, там песня еще была про земную ось и медведей, ну и наконец – американские шпионы перепутали ее с русской отважной разведчицей Анной Чапмэн, ей это, конечно льстило, но она все-таки не разведчица да и далеко не отважная. В общем, защита организма давала пробуксовку. Паника дошла до предела.

Обычно в стрессовых ситуациях, дошедших до предела, люди либо теряют сознание, либо в конце концов перегорают, все по той же защитной реакции организма. Становится все равно, наплевать и будь что будет. Вот и Лиза в один момент перегорела, ей стало совершенно наплевать, куда и с какой целью ее везут и что с ней будет. Изнасилуют так изнасилуют, убьют так убьют, лишь бы не слишком больно. Если образно, то она, как бы лежа уже в гробу, сложила руки на грудь и уставилась в необозримую даль вечности и бесконечности космоса, досвидос, алфидерзейн, аривидерчи, увидимся на том свете. И тут либо совсем без мыслей, либо они страшно философские и лучше их не касаться. Прощай жестокая действительность и здравствуй потустороннее загадочное небытие (или все же бытие, но не менее загадочное) Рай, Нирвана, река Стикс и бог его знает еще что. Впрочем, длилось это благоговейное состояние не долго, Лиза просто уснула, видимо сильно переволновавшись и отдав все силы и нервы своим переживаниям.

Странно, но самая казалось бы напрашивающаяся в ее случае версия так и не посетила голову девушки. Она почему-то никоим образом не допускала возможности своего похищения с целью выкупа или профессиональной деятельностью отца.

Искры, пепел, дым столбом, бабки с ведрами – дурдом. Яркие оранжевые языки пламени, ненасытные, обжигающие пожирали трухлявые, полусгнившие бревна старого дома. Вокруг суетились люди, нужные и ненужные. Развлекаловка, разбудившая полусонное царство частного сектора. Кто-то тушил чем мог и как мог, кто-то, кучкуясь, обсуждал событие. Руководил всем процессом старый дед, опираясь на клюшку, он направо и налево раздавал ценные советы и строил различные версии случившегося пожара. Пожарных не было.

Машина затормозила в нескольких метрах. Молодые люди не спешили выходить наружу, несколько оторопело глядя на то, что постепенно оставалось от дома Сержанта. Первым заговорил Була:

– Это что ж такое случилось?

– Как видишь, пожар, – внес ясность и так в ясную ситуацию Шпала.

– А где Сержант?

– Будем надеяться, что среди тех, кто тушит. Хотя я его чей-то не наблюдаю...

Була открыл дверь и вышел из машины. Он подошел к деду, видимо узрев в нем самого осведомленного человека, и заговорил. Через минут пять он вернулся.

– Ну в общем, сгорел дом, – сказал он с видом человека, раскрывшего страшную тайну.

Шпала, давно уже переставший удивляться странным словам и поступкам подельников, усмехнулся и уточнил:

– Совсем?

– Ну да, че не видишь. Еще минут пять и один фундамент останется.

– А сержант где?

– Нет, ну ты вопросы задаешь, я почем знаю, – Була повернул недовольное лицо к подельнику. – Наверное, вместе с домом сгорел, так-то его не видать. Он же никуда не ходит, с ногой своей гнилой. Видимо, водки пережрал, вот и сгорел. Не зря он по телефону не отвечал.

– А че дед говорит?

– А че он может сказать. Говорит, знал, что этим закончится, якобы Сержант больно подозрительным типом был. Выйдет, говорит, ночью во двор, ляжет на землю и уставится в небо. То ли звезды считает, то ли контакт с инопланетянами устанавливает. Хотя сам дед считает, что он америкосовским шпионом был и связь так с ними через спутники держал. Исходя из этого, иного конца и не могло быть.

– Ну да, Сержант духовным человеком был, медитацией занимался, – сказал Шпала, – укурится в ноль и на звезды медитирует. Думаю, дед прав, не жалец он был на белом свете. Помню, одного турка придушили, так он две ночи подрят вот так во дворе со звездами общался. Я ему сколько раз говорил, нехрен всякую ересь буддийско-кришнаитскую читать, читай апокалипсис как более соответствующее твоему миропредставлению. Нет же, в нирвану хотел попасть... Теперь вот попал, судя по всему...

– Может, жив еще. Ну там пописать вышел...

– Туалет тоже сгорел, отсюда вижу. Если и вышел, то его мочи явно не хватило для самообороны...

– И че теперь делать?

– Полагаю, ментов ждать не стоит, – Шпала задумался. – Вон, кстати, реактивные пожарные едут, ну, блин, как раз успеют к выносу тела, если от него, конечно, что осталось... Щас менты вслед за ними нагрянут, сваливать надо.

Була завел машину, а Шпала стал набирать номер Хмеля.

Колян с любопытством наблюдал за происходящими событиями, но каких-либо выводов не делал и не вмешивался в разговор более осведомленных и опытных товарищей. Он понял, что кто-то там сгорел, и этот кто-то был в общем-то неплохим малым, разве что немного странным и как бы уже мертвым еще при жизни. Наверное, поэтому новые-старые товарищи Коляна и не сильно убиваются по поводу его смерти. Впрочем, со смертью на данном этапе развития Колян имел не очень ровные отношения, сказать проще, для него что смерть, что поездка на курорт имели равное значение, то есть никакое, слова не больше, объять, принять ее понимание когда и сам с трудом ощущаешь себя полностью живым было сложно. Было одно понимание, был человек, а потом куда-то исчез (трупов он пока еще не видел), возможно, что и на курорт уехал. Одно не укладывалось в голове, как он мог уехать еще при жизни на курорт, никуда при этом не уезжая. Может, в этом ему помогало лежание во дворе под звездами...

– Чет Хмель не отвечает..., – Шпала недовольно и несколько растерянно покрутил головой, – блин, и че делать...

– Звони Клизме, – посоветовал Була.

Шпала набрал номер Клизмы, машина тем временем выехала на главную городскую магистраль. Как и большинство главных магистралей провинциальных городов она называлась проспектом Ленина, хотя в стране давно уже буйным цветом произрастал капитализм, яростным борцом с которым и являлся Владимир Ильич. Это во многом идентифицировало сущность и специфичность времени, в котором довелось жить молодым людям. Старый добрый социализм низам, капитализм капиталистам, власть посредник, имеющий свою долю и с тех и с других, и у всех вместе в глазах товарно-денежные отношения и баксы.

– О, алло, привет, Клизма, ты...ну хоть один нашелся, – Шпала с облегчением вздохнул. – Короче, тут непонятки, телка у нас, приехали к Сержанту, там полный абзац, дом сго-

рел, Сержант, видимо, вместе с ним... а я почему знаю... да, но он тоже не отвечает... понятно... ладно... еду.

Шпала с задумчивым видом положил телефон в карман и посмотрел на Булу взглядом усталого путника.

– Поворачивай к дому Хмеля, – сказал он, – какие-то заморочки недетские начались. Толком не понял, в общем общий сбор у Хмеля. Чует мое сердце, не прав был дед, не из любви к небесным светилам погорел Сержант...

Через минуту после выезда на проспект машина застряла в пробке. Шпала вполголоса матерился, сложившаяся ситуация ему нравилась все меньше и меньше, а тут еще эта задержка на неопределенное время. Була молчал, но был недоволен ничуть не меньше. Состояние и мысли Коляна описанию не подлежат, настолько они были противоречивы, нелогичны и своеобразны.

– Боже, как ты был не прав, внося для разнообразия в человеческую жизнь эти чертовы пробки, – взмолился Шпала.

– Вопрос не по адресу, – ухмыльнулся Була, – это творение дьявола.

– Да хоть деревянного истукана, – зло прошипел Шпала, – суть от этого не меняется.

– Я тут вспомнил сказку про колобка, – сказал Була, – вот повезло типчику, катился он от бабки и дедки сразу видно без всяких пробок, а как иначе без движка да еще и с пробками, далеко укачишься, сомневаюсь...

– Тебя от пробок несет, че к чему колобка вспомнил, – Шпала непонимающим взглядом окинул фигуру товарища. – Если ты знаешь, он докатился до своего логичного конца. Че за грязные намеки, Сержант покоя не дает...

– Да нет, так к слову пришлось...

Видимо пришлось не зря. Колян неожиданно отчетливо вспомнил сказку про колобка. Особых эмоций это воспоминание не вызвало, но в купе с ранее упомянутым Богом создало в его голове странный вопрос, который он немедленно и озвучил:

– Товарищи, только не ругайтесь, меня интересует вот какой вопрос – бабка с дедом слепили и оживили колобка, так кем они ему приходятся – богами?

Шпала с Булой разом обернулись, похоже вопрос покалеченного оказался для них еще более неожиданен, чем сам факт амнезии. Шпала хмыкнул и покрутил пальцем у виска. Була, видимо от скуки более предрасположенный к разговору, спросил:

– Это ты к чему?

– Тогда уж господа... Ударился он, – внес ясность Шпала, – сильно...

– Насколько я знаю, Бог создал людей, если ошибаюсь, поправьте, – начал развивать свой вопрос Колян.

– Вот видишь, не все значит забыл, уже обнадеживает, – усмехнулся Шпала. – Ну это для кого как, я знал одного типа, так тот был уверен, что произошел от дыры в презервативе. Когда он это полностью осознал и принял в себя, то стал массово скупать презервативы, дырывать их и поклоняться. Создал культ дырявых презервативов, собрал вокруг себя единомышленников, начал проповедовать дыроначество. Секта, помню, "дырявые" называлась. Кончил он, правда, плохо, в психушке. Смотри, Колян, меньше задавайся вопросами религии, плохо кончишь.

– А если бабка с дедом создали колобка, то получается, что они тоже для него как бы боги? – не обращая внимания на слова Шпалы, сказал Колян.

– Ну да, – после некоторого раздумья ответил Була. – Хотя опять же, с какой стороны посмотреть на это дело. С точки зрения религии – несомненно боги, но вот с точки зрения генной инженерии...

Шпала недоуменно посмотрел на подельника, но ничего не сказал. Разговор ему не нравился.

– ...С точки зрения генной инженерии, они его суррогатные родители. А вот если с точки зрения простой инженерии – конструкторы.

Шпала облегченно вздохнул, трактата о достижениях генной инженерии не последовало. Он связвил:

– С точки зрения пищевой промышленности – кулинары...

Була недовольно посмотрел на него. Шпала не был авторитетом, а так, шестеркой Хмеля, хотя и более опытной, чем они с Коляном.

Ответ Булы озадачил Коляна, трудно было воспринять и переварить то, о чем, судя по всему, он не имел никакого представления и до потери памяти. Но он как мог продолжил беседу, напрягая до предела отказавшие мозги.

– Больно точек зрения много, я думаю, должна быть одна, но такая, чтоб самая правильная.

Шпала усмехнулся – идиот в процессе создания культа своего видения мира. Вот так, между делом, и зарождаются культы, секты и тоталитарные общества.

– Наверное, ты прав, – надув щеки, продолжил рассуждения Була. – Точка зрения всегда должна быть одна. Ведь если бы в зоне на понятия можно было смотреть с разных точек зрения, то начался бы беспредел. Вот, типа, ты по понятиям не прав, но тут появляется какой-то фраер, который утверждает, что если посмотреть по-другому, то ты будешь прав. Даже забавно. Допустим, ты отказываешься дрочить петуха, говоришь, что он якобы тоже человек. Но по понятиям-то он петух. Тут хоть обосновывай, хоть не обосновывай. А ты тупо утверждаешь, что у него налицо все признаки человека: руки, ноги и говорить он умеет. А петух в курятнике крыльями машет. И тебе насрать, что петух – это не тот у кого крылья. Петух – это суть человека. Вот тут и появляется этот фраер и выводит такую точку зрения, что все в шоке...

– Это же ж за точка зрения такая? – удивился Шпала.

– Я к примеру, щас такие умники есть, что даже почему топотание котов вредит правильному мироустройству обосновывают... Ну и вот, обосновал свою точку зрения этот фраер, и все вдруг отчетливо поняли, что опущенный мало чем отличается от авторитета!?! Это ж что тогда будет, это конец света какой-то. Поэтому точка зрения всегда должна быть одна.

Шпала угрюмо вздохнул.

– Тогда, – продолжил свои умозаключения Колян, – все эти точки зрения надо соединить в одну общую, самую правильную.

– Ну да, – пожал плечами Була.

– Значит, дед с бабкой одновременно и боги, и суррогатные родители, и конструкторы, и кулинары.

– Угу, – подтвердил Була. – Но опять же, возвращаясь к петуху, если мы так базарим, то получается, что и опущенный это не только петух, но и человек, такой же как и мы.

– Э..э..э, ну ты полегче, я толерантный человек, но не настолько же, – возмутился Шпала.

– Не, ну мы как рассуждали. С одной точки зрения – родители, с другой – конструкторы, с третьей – кулинары, а с общей точки зрения – все вместе взятое. То же и с опущенным, с одной – петух, с другой – человек. Вот и получается у нас мутант – человек-петух.

– Я понял, – неожиданно вскричал Колян, – Бог как раз и есть все вместе: и конструктор, и родитель, и кулинар.

– Это ты типа хочешь сказать, что религия это что-то типа главного закона, ну примерно как понятия, и поглощает другие точки зрения, – сказал Була. – А в религии главный Бог и в нем много там всего, и конструктор, и родитель.

Погоди, – вмешался Шпала, – фуфлю гонишь. Я врубился к чему ты клонишь, только фуфлю это. По понятиям главный – вор в законе либо авторитет, и че он по-твоему тоже должен быть все вместе, и человек, и пе...блин, даже язык не поворачивается сказать. Ты сам – то понял, что сказал?! А за базар отвечать надо.

– Так это Колян начал, – попытался оправдаться Була. – Может, его все-таки долбануть еще раз, чтоб не смущал и не совращал гонимостью своей.

Машина въехала во двор девятиэтажки. Здесь располагалась конспиративная квартира, специально снимаемая Хмелем для общих сходов и как центр управления текущими операциями. Что-то типа главного офиса, но исключительно для своих работников. Для встреч на высшем уровне снимался комфортабельный загородный дом. Для постоянной рабочей и меж-рабочей дислокации рядовые бойцы снимали себе квартиры самостоятельно, часто используя их не совсем по делу, а именно для пьяных вечеринок в стиле ню, совместно с представителями фирм по оказанию интим услуг.

Хмель, он же Гоша Борзый, был представителем сразу нескольких школ криминального бизнеса. Этакой своеобразной нездоровой помесью различных течений и представлений о внутреннем устройстве, чести и достоинстве как криминального мира в целом, так и каждого его члена в отдельности. Начинал он еще в далекие восьмидесятые с зон для малолеток, будучи приверженцем старой воровской школы, отличавшейся строгими законами понятий и воровской чести. Но дальше жизнь завертела и закружила юного Гошу. С приходом новых времен, а именно капитализма и демократии, Георгий тоже обновился в полном соответствии с целями и задачами новой эпохи. То есть стал одним из братков, массово расплодившихся в то неспокойное время. Здесь, видимо, в связи с появлением в стране либеральных ценностей, в бандитской среде уже как-то туговато стало и с понятиями, и с воровской честью. На неписанные, но прежде свято соблюдавшиеся законы криминального мира стало либо совсем накатать, либо ими вертели как хотели, в зависимости от ситуации и личных предпочтений. Новый сформировавшийся криминальный класс жил быстро, весело и обычно скоро умирал. Какие там могут быть понятия и ступени воровской школы, когда сегодня ты гуляешь в кабаке, а завтра гуляют на твоих похоронах. Ну и с приходом злобно оскалившейся звериной морды капитализма все трудней было соблюдать какие-либо ограничения, предписываемые понятиями. Тут секунды и либо ты их, либо они тебя. Ну и опять же, деньги не пахнут, в том числе и "тройным" советским одеколоном понятий. И если раньше бывалый сиделец с позиции своего нелегкого опыта мог со всей ответственностью заявить – человек человеку волк, то короткоживущие братки, из-за невозможности приобрести какой-либо опыт, руководствуясь чисто животным инстинктом, резюмировали свое мироощущение примерно так – отморозок отморозку отмороженная отморозь. Хмель не стал исключением и, не до конца еще вобрав в себя старые воровские понятия, быстро переориентировался на новые. Но и в этом счастливом состоянии полной отмороженности он пребывал недолго. Он сел, после того как группировка, в которую он входил, занялась самоистреблением. В ее рядах пустили корни паранойя и борьба за власть, вследствие чего ослаб внутренний иммунитет и инстинкт самосохранения группировки. В результате, кого не убили, тех посадили. И посадили надолго.

Когда Хмель вышел, то ничуть не был удивлен, что в стране наступили новые времена, с новыми соответствующими понятиями. Для него это уже представлялось как бы само собой разумеющимся, что после очередной отсидки он лоб в лоб сталкивается с обновленной действительностью. Ну и понятное дело вновь надо было приспособливаться и обновляться самому, иначе криминальный мир тебя отвергнет или выгонит на задворки. А Гоша уже к тому времени был достаточно опытен, поэтому незамедлил обновиться. Суть нового порядка Хмель уловил сразу. Товарно-денежные отношения, все продается и покупается, в том числе совесть, честь и само понятие воровские понятия. Массовое сращивание всех, вся и со всеми. Глобализм в отдельно взятой стране законов, всеразличных понятий и человеческой природы, подведенный под ощую черту – бабло есть суть, закон и понятия, а все остальное довесок к нему, который впрочем тоже за бабло. В общем, все сразу стало понятно, когда кореша по старому воровскому обычаю, как положено, встретили Гошу из тюрьмы с подобающими этому случаю

почастями, а на следующее утро выставили солидный счет за сие мероприятие. Но Хмель и в этой действительности не потерялся, и уже через пару месяцев сколотил свою банду по типу бизнес структуры, строго ориентированную на новые веяния. С кем и с чем была сращена новая криминальная структура, знал только сам Хмель, факт лишь в том, что она точно была сращена. На сто процентов можно сказать, что любое преступное мероприятие, затеянное бандой, имело под собой далеко уходящие за пределы фантазии Хмеля корни. Все было гораздо сложнее, чем это виделось рядовым бойцам, в том числе Коляну и К°..

Була открыл дверь машины, задержался на выходе и спросил у уже вышедшего Шпалы:

– Что с нашим больным другом делать будем? Может, не стоит его Хмелю показывать, скажет еще что-нибудь не то, потом разгребай. Хмель сам знаешь какой, на одном месте хрен поймает, и что ему может не понравиться неизвестно.

– Ну да, он за один ваш базар про богов и петухов яйца бы вам кастрировал. Так что сиди, Колян, в машине, наслаждайся видами из окна. Не стоит напрягать и без того непростую ситуацию.

Молодые люди проследовали в подъезд, а Колян с любопытством возрился на мужика, качающего допотопным ручным насосом колесо старенького "жигуленка".

Дверь открылась, но почему-то стоявший ближе к выходу Була не торопился покидать стены лифта, уставившись на что-то скрытое от взгляда Шпалы.

– Ну че тормозишь...

В ответ послышалось лишь невнятное мычание. Шпала в нетерпении подтолкнул товарища, недожидаясь ответной реакции, обогнул его и вышел. То, что открылось его взору, хорошо описывает часто встречающаяся фраза из комментариев к видеокадрам новостной ленты – слабонервных и детей просьба удалиться от экрана телевизора. В луже крови на площадке лежал Клизма, уставившись немигаемым взором в потолок, на котором неумелой рукой хулигана было написано: "А на фига мне ваш китайский внидарожник".

– Не, в сущности-то он прав, не знаю чему так Клизма, судя по его взгляду, удивился, – после некоторой паузы сказал Шпала, переведя взор с убиенного к потолку.

– А..че..кто удивился? – наконец стал приходить в себя Була, некоторое время пребывавший в недоумении граничащем с шоком.

– Я говорю, абзац полный, – Шпала вернул взор на тело.

– Может жив еще?

– С дыркой во лбу?! Много ты видел живчиков с дырявыми мозгами, Колян не считается. Хотя, если ты про душу...так и тут большие сомнения в наличии души у Клизмы, она давно заложена рогатому.

– Все шуточки...тут такое...– Була нервно закурил сигарету.

– Какие могут быть шуточки, когда такая дыра. Все серьезно, даже творчество на потолке...крик души. Вишь, как Шпала напоследок кричал, во взгляде все написано. Только души-то и нет, крик пустоты в пустоту...Ладно, пошли в хату, дверь открыта, подозреваю, нас там ждет не менее мрачная картина...

Шпала зашел в квартиру, через некоторое время раздался его голос:

– Ну и че я говорил, сходка кадавров...обсуждение вопроса заложенных душ, выбор судебной инстанции...отсудить обратно хотят...или компенсация маленькой показалась...думаю, второе верней... . Блин, маньяки тут что ли были...

Була прошел в комнату, откуда раздавались слова подельника. На полу лежал труп одного из членов банды, тоже с дыркой и негасимым взглядом в вечность. На кожаном диване на животе с оголенным задом в позе отдыхающей проститутки расположился главарь банды Хмель. Из анального отверстия обильно сочилась кровь и торчало долото. Хмель был еще жив и тяжело дышал.

Несмотря на присутствие еще не умершего главара, Шпала, сохраняя безучастное лицо, продолжил глумиться:

– Дьявол решил проблему залога души по-своему, помимо судебных инстанций. И правильно, че зря время тратить, если итог неизменен будет, лучше сразу по-быстрому, без заморочек и нервотрепки...

– Ну хватит уже ересь нести, – соболезнующим голосом сказал Була, – здесь все-таки покойники и Хмель вроде как живой. Реально маньяки...долото-то зачем...

– А вы гомосеку зачем?

– Так то гомику...они твердые предметы любят. Да ты и сам говорил, есть разница между петухом и авторитетом...И че делать будем? Скорую...

– Дебил, что ли. Валить надо, может кто уж ментов вызвал. Кровищи-то, с полчаса назад дело наверное было. Слава тебе пробка! Пора начинать поклоняться ей, культ пробки создать. Шас бы рядом лежали... Пошли...

– Погоди, мож че скажет, кто, что, да как...

– Вряд ли. Видно, не жилец.

Но в это время Хмель застонал и приоткрыл глаза. Мутным, тоскливым, наполненным болью взглядом он окинул фигуры товарищей, судя по всему узнал и что-то еле слышно, заметно прилагая усилия, прошептал.

– Он что-то пытается сказать, – Була заметно оживился.

Шпала соорудил недовольное лицо, он брезговал подходить к изуверченному главарю, но теперь надо было. Обходя лужи крови, они с Булой подошли к умирающему.

Хмель вновь напряг силы и уже более слышно, но с не меньшими мучениями в голосе сказал:

– Попали мы...помните турка...он не турок вовсе...кавказец...друзья крутые...маджахеды, беспредельщики...валите из города...они всех мочат...кровная месть...

Подельники еще около минуты простояли в молчаливом ожидании, но Хмель больше не говорил, сказанные слова забрали последние силы.

– Ладно, ничего он уже не скажет, пошли, – Шпале нетерпелось побыстрее покинуть помещение, его уже начинало подташнивать.

Хмель вновь открыл глаза и совсем тихо, теперь уж наверняка из последних сил сказал:

– Телка...у вас...дочка магната...заказ людей больших...мало не покажется...Русик знает...ему ее...

Это были последние слова главара банды, исхитрявшегося обновляться под любые условия и задачи наступивших эпох. Все когда-нибудь кончается, в том числе возможности обновления программы души, программист не учел наличие в свою очередь обновлений у вируса, в конце концов убившего программу.

Друзья-товарищи молча и быстро спускались по лестнице вниз, лифт был ими проигнорирован, видимо, вследствие душевного расстройства и некой доли паники и непонимания. Каждый думал о своем, Шпала о скоротечности и непостоянстве жизненных процессов, Була о душе убиенного главара. Смерть авторитета сильно повлияла на его мироощущение и веру в победу бабла над разумом. Сказать проще, он впервые в жизни подумал о вечности души и ее месте в теле и жизни человека.

– Ты реально веришь, что у Хмеля не было души? – неожиданно для подельника спросил он. – А с твоею душой тогда как? Тоже ведь не ангел.

– Моя душа дорого стоит, её цену не потянет и дьявол, – усмехнулся Шпала.

– Ну уж, дьявол и не потянет? Он может сделать тебя миллиардером.

– За деньги душу продают только евреи и глупцы.

– А, понял, хочешь править миром. Я слышал, мол, Гитлер душу дьяволу продал в своё время.

– Сам-то понял, что сказал. Если помнишь, Гитлер плохо кончил, впрочем как и все, кто душу продал.

– Выходит, и смысла нет её продавать, раз все плохо кончают, – со стороны могло показаться, что Була немного расстроен подобному выводу.

– Кончают плохо импотенты, – резюмировал Шпала. – На сделку с дьяволом можно пойти разве что если он уступит своё место в обмен на душу.

– Нужна ему твоя душа в таком контексте, ему и так неплохо.

– Вот и я про то же...

Бандиты подошли к машине. В этот момент из-за угла дома им навстречу выехал джип. Шпала открыл дверь и посмотрел на приближающийся автомобиль. В следующую секунду он оказался уже внутри, и с силой через водительское сиденье стал втягивать в салон Булу. Тот ничего не понимал, но поддался не очень вежливому приглашению.

– Рвем отсюда, – прокричал в ухо Буле Шпала.

В этот момент раздались выстрелы со стороны джипа. Була все понял и уже жал на газ. Машина резко дернулась и дала задний ход. Из джипа вылез крепкий мужчина южной внешности и уже прицельно из пистолета стал палить в сторону убежавших. Странно, но ни одна из пуль даже не задела машину бандитов, зато наповал срубила мужичка, с усердием качавшего до сих пор колесо.

У одного из подъездов Була развернул автомобиль и рванул к выезду со двора. Нападавшие, увеличивая скорость, поехали следом. Выехав на проезжую часть, Була удачно обогнал автобус и на какое-то время исчез из поля зрения преследователей.

– Что это было? – чуть заикаясь и выпучив глаза, нервно проговорил Була.

– Скорее кто... Полагаю, недоброжелатели.

– Все шутишь, а вот мне не до шуток, чуть мозги не прострелили... Неужели эти, что Хмеля грохнули... Как они поняли, что мы это мы... – отрывками, с одышкой выдвинул версию Була.

– Меньше говори, больше и быстрее рули, строить предположения и искать ответы на вопросы будем позже.

На повороте джип вновь пристроился им в хвост.

– Блин, – выругался Була, – че делать?!

– Гнать что есть мочи, если не хочешь вечером беседовать с Хмелем.

Товарищи в этот напряженный момент совсем забыли о Коляне. Тот сидел молча и пытался понять, что происходит. Вид взволнованных друзей немного обеспокоил его, но всей угрозы, нависшей над ними, в отличии от подельников, Смола не понимал. В какой-то момент Колян вдруг вспомнил отрывок из какого-то западного боевика с похожей погоней, и его мозг стал воспринимать происходящее как точно такое же кино. Смола странным образом почувствовал себя зрителем в кинотеатре, а не непосредственным участником событий. Киношный экшн Коляну понравился, и он улыбнулся.

Була в зеркало заметил странную, совсем неподходящую для данного момента улыбку, и удивленно сказал:

– А чему это наш дурачек улыбается?

Шпала обернулся, и убедившись, что подельник прав, сказал:

– Может шок, а может не в тему вспомнил, как он в детстве нашёл подарок под едкой. Побежал рассказать о нем маме, но неожиданно обнаружил в её спальне Санта-Клауса, вследствие чего получил ещё подарок, но уже гораздо больших размеров и дороже...

– Блин, Шпала, он хоть больной, а ты-то в связи с чем юморишь, у нас вон на хвосте упыри...

Он взглянул в зеркало заднего вида, джип не отставал, но и не пытался догнать и прижать к обочине машину бандитов.

– Я так понимаю, пока мы в людном месте они нас не тронут, – сказал он. – А что если зарулить куда-нибудь в подворотню и засаду им устроить, перестрелять их всех нафиг. Че бежим-то?

– Оклемался что ль, – Шпала пронзил взглядом вдруг осмелевшего товарища. – Нас только двое, а их полный джип, может у них "калаши" есть, засадят нам в засаде по обойме, дырявый весь будешь... Жми на газ и пробуй оторваться, других вариантов нет.

Була прибавил скорость, преследователи не отставали. Казалось гонка завершится только тогда, когда в какой-либо машине не закончится горючее. Но в события неожиданным образом вмешались потусторонние силы в виде инспекторов ДПС. Как обычно скрываясь в засаде в кустах за поворотом, они пропустили машину киднепперов, но тормознули джип. Пассажиры внедорожника быстро договорились с инспекторами, но время было упущено, молодые люди оторвались от преследователей. По-прежнему пребывая в некоторой панике, они гнали аж до самого выезда из города и остановились лишь за городской чертой. Здесь их искать вряд ли будут, есть время подумать, сопоставить факты и решить, что делать дальше.

– Ну и че делать? – нарушил тишину в машине Була, после того как они припарковались на обочине. – Чей-то я домой не хочу возвращаться. Вон оно как, даже не выяснив, что мы это мы, стрельбу открыли. Значит знали. И адреса наши знают. Мстительные какие абреки. Мало им Хмеля с Клизмой и Сержантом...

– Да, странно все это. Либо убиенный нами турок, который оказался не турок, авторитетным персонажем был. Кровная месть, – с задумчивым видом сказал Шпала.

– Блин, ну ладно мы, нам приказывают, мы исполняем, но как Хмель-то не знал, кого похищаем и мочим.

– Мне чет кажется, что он так же исполнял приказы, – мрачно заметил Шпала.

– Ну вот тех бы и мочили, кто инициатором был.

– А кто сказал, что они ещё живы...

В машине опять наступила тишина, нелёгкие мысли посещали буйны головы бандитов. Момент был, если и не катастрофическим, то крайне неприятным и опасным. Одному Коляну, видимо, было все равно, он уже не улыбался, но пребывал в безмятежном состоянии полного пофигизма. Не то что бы ему было совсем уж плевать и по барабану, просто кино пока что не вызывало каких-либо нервно-переживательных эмоций.

– Блин, ещё тёлка эта, – вспомнил Була о девушке, – че с ней-то делать будем, не возить же ее в багажнике? Свою шкуру спасти надо. Может выкинем ее где-нибудь, Хмель все равно загнулся, с нас взятки гладки.

– Ты слышал, что Хмель перед смертью говорил, – возразил Шпала, – тёлка заказана большими людьми, проблемы возникнут. Русика какого-то приплетал, мол он знает, что с ней делать.

– Ага, он еще про магната говорил. Нам еще проблем с магнатами не хватало. И так вон с хачиками проблемы нажили.

– Я вот че подумал, – неожиданно предположил Шпала, – может это не хачики в нас стреляли.

– А кто тогда?

– Вариантов несколько, люди магната например, или те самые, большие, кто заказал.

– Вряд ли. Мы ее три часа назад в багажник засунули, никто еще и сориентироваться не успел. А большим людям за каким нас мочить, забрали б девку и все.

– Да кто его знает этих больших, че у них там на уме. Так что с кем мы воюем еще большой вопрос...

– Ну тогда этого Русика искать надо, и прояснять ситуацию. Может даже чем поможет. Баш на баш, мы девку, он помощь в деле с убийцами Хмеля.

– Ты думаешь, ему это надо, да и где искать...

– Ну да...

В машине вновь воцарилась тишина. Колян счастливо поглядывал в потолок. Шпала задумчиво курил. Була нервно ерзал на сиденье.

– Наш дурачек-то смотри какой счастливый, – усмехнулся Була. – Вот интересно, о чем он сейчас думает?

– А ты спроси и не заморачивайся.

– Колян, – внял предложению Була, – че думаешь обо всем об этом?

Смола с блаженным взглядом повернулся к товарищу. Судя по его взору, он либо ни о чем не думал, либо думал о всем сразу, и объять его мысли, как-то упорядочить и проанализировать не представлялось возможным.

– У тебя башка-то хоть маленько варит? – не унимался Була.

– Ни че у него не варит, – сказал Шпала, – он вообще сейчас среди нас самый счастливый. Как в одной песне: "Амнезия, амнезия, все позабыл я, и мне теперь не страшно".

Слова Шпалы заставили Коляна призадуматься, если, конечно, это значение было применимо по отношению к Коляновым мыслительным процессам. Точнее одно слово "варит". Это слово он знал, и знал, что оно обозначает. Как известно, при амнезии исчезают все события, произошедшие в прошлом с пострадавшим, но все общие понятия, обозначения и действия в памяти остаются, но опять же без всяких нюансов. Именно поэтому слово "варит", произнесенное в отношении головы, поставило Коляна в тупик, являясь подобным нюансом, а точнее сленгом. Как Смола ни пытался, но понять, как башка, то есть голова может варить, не мог. От этого его перекоротило еще больше, чем товарищей от убийства и погони. Он стал улыбаться еще шире, и теперь уже реально был похож на блаженного деревенского дурачка.

– Давай нажремся, – неожиданно предложил Була, – наярнг снимем, авось и че умное в голову придет.

– Так-то я, ты знаешь, за сухой закон и ЛТП, но реально ситуэйшн давит, стоит расслабиться, – поддержал товарища Шпала.

У Коляна согласия никто не спрашивал, впрочем, он и не был против, толком не понимая, чем и как хотели нажраться друзья.

Когда напиваешься – проблемы исчезают, отходят на второй план. Ты как бы растворяешься в алкоголе, плавно, благодушно, радостно. И упаднические мысли сменяются возвышенными, яркими, как акварельные рисунки ребенка, такими же непонятными, но наивно счастливыми. Тебе легко, ты сияешь, только жаль, что твое сияние не передается окружающим, они обычно против и сильно раздражены. Ну и пусть, главное, что неприятности кажутся уже не такими неприятными и находятся решения любых проблем. И ты свободен, абсолютно свободен.

Проблема на что выпить, преобладающая в среде любителей и профессионалов этого дела, перед молодыми людьми не стояла, зато стояла другая проблема – где выпить. Возвращаться в город желания не возникало, пить в машине на обочине федеральной трассы чревато последствиями, свернуть в лесок, значило заночевать в машине, что не сильно радовало, особенно Булу с его габаритами.

Неподалеку виднелись крыши частных домов пригородного поселка под обиходным названием "Пьяный", что вполне соответствовало желанию и устремлениям бандитов. Решено было свернуть в его сторону, там затариться водкой, а по возможности и найти место для ночлега.

В любом городе, на его окраине, есть особый район либо пригородный поселок, имеющий некоторые особенные характерные признаки и в значительной степени отличающийся от всей остальной благопристойной части города. Этот район под завязку заполнен наркоманами, алкоголиками, люмпенами всех мастей и видов. Удивительно, но никто их специально не переселял и не собирал как бы в некую резервацию для отбросов общества. Образовыва-

лись подобные неблагополучные общежития сами собой, в силу многих очевидных и не очень причин. Конечно, белые, серые и черные риэлтеры внесли свою лепту в образование местного этноса, но главным все же являлись удаленность от центра и культурно-экономическая составляющая. Ну насчет удаленности от цивилизации вам охотно объяснят папуасы Новой Гвинеи, перед тем как зажарят и съедят, а вот что касается культуры и экономики, то тут вопрос не столько в их отсутствии или убогости, сколько в своеобразной уникальности относительно общеизвестных ценностей (что духовных, что материальных) цивилизованного мира. В чем уникальность, спросите вы, убогое и быдловатое всегда было, таким и останется. Но нет, скажу я вам, уникальность хотя бы в том, что убогие быдлы есть и в цивилизованном обществе, но своей культуры и экономики они не создают, а пользуются все теми же достижениями цивилизованного человечества, отчего правда культура и экономика порой кажутся неполноценными. Наивно будет полагать, что прямой отпечаток на культуру и экономику аборигенов наложили исключительно видимые составляющие, такие как время, строй и внутренняя политика государства, все гораздо глубже и сложнее. Ценности складывались десятилетиями, да и что греха таить, веками, кочевали от поколения к поколению, меняя лишь географические координаты. Ощущая себя некой дискомфортной исключительностью, отторгнутой центром и цивилизацией, новаявленный абориген быстро перенимал законы логики данной местности. Логика была совсем не женской, прямолинейной и жесткой, иначе не выжить. Типа, догадайся сам, что я имел ввиду, тут не катило. Тут редко посылали на три буквы, поскольку за слова требовалось отвечать. Товарно-денежные отношения часто заканчивались мордобоем, а люди нетрадиционной сексуальной ориентации отсутствовали в принципе. Здесь царствовали блатные мелодии и наркоманский рэп. Окультурившиеся шансон и хип-хоп это где-то там, в центре, а здесь убитый депрессив, в трех аккордом и стихотворном исполнении, однако он не слезливый, он даже очень веселый, поскольку в противном случае абориген обречен на вымирание. А абориген вопреки всей цивилизованной логике жил, жив и будет жить, несмотря на все катаклизмы, происходящие с ним и со страной.

"Пьяный" поселок был вечно пьян в силу традиций и исторически, не сам район, конечно, а народ, его населяющий. Знал поселок и лучшие времена, но тогда он назывался не пьяным, а поселком рабочей молодежи. Было это в далекие то ли Хрущевские, то ли Брежневские времена. Но с тех пор многое, если не все изменилось. Дома аборигенов захирели, единственный клуб сгорел, а все более менее перспективные кадры покинули родные края, в поисках более счастливой доли. Рабочая молодежь постепенно вымирала от старости, образовавшиеся пустоты заполнились безработными алкоголиками и наркоманами, с единственной перспективой скорого получения вида на жительство на кладбище. Преобладали все же алкоголики, наркотики дорого стоили, а с учетом специфики экономики денежные средства у аборигенов присутствовали не всегда, поэтому наркоманы тоже предпочитали переселяться в более экономически развитые районы, в поисках лучшей доли. Оставались разве что уж совсем законченные, не способные уже к перемещению на значительные расстояния тела. Перекос в пользу пьющих накладывал свой отпечаток на культуру и экономику. Скажем так, экономика была менее криминальной, чем в районах, заселенных наркоманской гопотой. Преобладала здесь, как сами понимаете, культура "бытовухи", грабеж был делом из ряда вон выходящим и популярностью не пользовался. "Рабочая молодежь" получала пенсию, безработный абориген колымил у "молодежи" по хозяйству, чем и жил, на что и пил. Местный участковый больших проблем с таким контингентом особо не знал, все было очевидно и предсказуемо до безобразия, загадочных и ужасных преступлений не совершалось, поэтому, в силу большого количества свободного времени и плохого примера, участковый тоже пил горькую фактически беспробудно, и как Аниськин таскал в кобуре огурец, на случай неожиданного нападения стакана. Залетные гости и туристы случались редко, встречали их без всякой агрессии и недображелательства, часто даже душевно, но в основном инфантильно, руководствуясь изрядной долей пофигизма.

Поселок состоял из сорока домов, большинство из которых грозили развалиться в ближайшую неделю. Грозили еще с социалистических времен, но не разваливались благодаря различным подпоркам, ядреному мату и вечному авось. Культурными центрами здесь являлись магазин и кабинет все того же сильно пьющего участкового. Рейсовый автобус из города доезжал пять раз в сутки, жизнь по-своему кипела и бурлила, работы не было, да никто к ней сильно и не стремился, со светлым будущим была та же ерунда, но в целом все было до отвратительного о'кей в глазах пьяного аборигена, он не жаловался и не критиковал власть, ввиду, как правило, отсутствия главного предмета критики, телевизора. В сущности, в каждом городе, как я уже говорил, есть подобный район, так что более подробно его описывать не имеет особого смысла.

Бандитов не слишком смущало неблагополучное настоящее поселка. В жизни, пусть и не такой длинной, они успели повидать многое, ко всему Була был родом из вымирающей деревни, где положение вещей ни чем не лучше, если не хуже.

Машина с трудом по бездорожью доехала до ближайшего дома. Дальше товарищи ехать не рискнули, поскольку на их взгляд непроходимое бездорожье еще только начиналось.

Небольшой приземистый домик, выросший в землю, скорее напоминал партизанский блиндаж, с маленькими окошками-бойницами, отсутствующей трубой, видимо топились по-черному, и полуразрушенным крыльцом. Ограда вокруг дома присутствовала местами, из трех некогда бывших хозяйственных построек в наличии было одна целая семьдесят пять сотых, то есть одна целиком, половина второй и двадцать пятая часть третьей. Подобная архитектура слегка поразила друзей, особенно впечатлительного Коляна, но ничего удивительного на самом деле не было – зимы холодные, дров не хватало. Любой художник девятнадцатого века счел бы за счастье иметь такую натуру, при изображении реализма жизни крепостной глубинки. Но молодые люди художниками не являлись, так что дом, исключая хоз.постройки, особых эмоциональных всплесков не вызвал.

Була вышел из машины. И сразу же встретился с одним из местных жителей. Им оказался общипанный, видимо, сбежавший прямо со стола повара дохлый петух. С бешеной скоростью, не взирая на лужи и буераки, он гнался за курицей. Судя по всему, кавалер не соответствовал имиджу куриного принца и поэтому не вызывал в наседке ответных чувств, чем и заставил ее пуститься наутек. Лысый петух оказался упорным кавалером, пару раз он догонял курицу и запрыгивал на нее, та кудахтала, выпучив глаза, не сдавалась и что есть мочи неслась дальше. Что поделаешь, природа безжалостна – лысый не лысый, инстинкт брал свое.

– О, блин, че он такой лысый!?! – удивленно уставился на петуха Була.

– Это его к смертной казни через бульон приговорили, – высунувшись из окна машины, сказал Шпала, – а сейчас он при исполнении последнего желания.

– Ну тогда не стоит ему мешать, – захлебываясь в смехе, изрек Була. – Поиметь бабу перед смертью это по понятиям.

– Перед смертью не настрахешься, – неожиданно перефразировал внезапно возникшую в голове пословицу Колян.

– Ну да, ты прав, мой больной брат, – поддержал его Шпала, – поздно пить боржом в ливерной колбасе.

Була, более не отвлекаясь на общипанного секс-гиганта, прошлепал по жидкой грязи к дому и постучал в окно-амбразуру.

Дверь открылась почти сразу. На пороге возник пожилой представитель местного этноса мужского пола. Он вполне соответствовал своему дому, выглядел как партизан, не мывшийся и не брившийся уже несколько месяцев. Застыв на пороге в немом благообразии, он с благодушно-лучезарной улыбкой уставился на гостя. Расстояние от него до Булы составляло метра три-четыре, но и на таком удалении перегар, исходивший от хозяина, сражал наповал. Молодой человек после мощной атаки устоял на ногах, но дышать стал через раз.

Дед почесал бороду и произнес:

– Хлопцы, купите Ваську.

Була тоже почесал подбородок, но на предложение деда не отреагировал. Зато отреагировал Шпала, еще больше высунулся из машины и громко поинтересовался:

– Какого Ваську, дед?

– Петуха моего.

– Лысого, что ли?

– Это ты лысый, а он общипанный, – философски заметил дед. – Его прическа следствие непреодолимых жизненных обстоятельств.

– Так значит он у тебя "зк". Ну тогда респект и уважуха реальному пацану. Статья-то какая? Надеюсь, не изнасилование, а то по его повадкам... – усмехнулся Шпала.

– По твоему только у "зк" непреодолимые жизненные обстоятельства, приводящие к насильственному облысению, – возразил дед. – Жизнь сложная штука, и когда и по какому поводу ты попадешь в кастрюлю с кипящей водой, одному Богу известно.

– Да ты, дед, философ, – резюмировал Шпала.

– Хе, философ... бери выше, друид, – дед хитро улыбнулся. – Тут как, либо ты из кастрюли ешь, либо в той кастрюле плаваешь. А я вот не ем и не плаваю.

– Колдун значит, – вмешался в разговор Була.

Сам ты колдун, – недовольно буркнул дед. – Я борец с тьмою. Всю жизнь мастером света проработал.

– Электриком, что ли?

– Тьфу ты, ему про Фому, он про Ерему. Сантехником. "Сан" по-английски солнце, а техник то же что мастер. Сантехник получается мастер солнца. А солнце – это свет.

– И с какою же тьмою сантехники-друиды борятся? – удивленно поинтересовался Була.

– С засорами канализации жизни человеческими экскрементами, – гордо заявил дед.

– В таком разе ты либо ассенизатор, либо маньяк социопат, – сказал Шпала. – С ассенизатором все понятно, золотарь профессия полезная, хоть и неблагодарная. Но судя по твоему общипанному петуху, ты все-таки маньяк. Сколько человеческих экскрементов мочканул, давай, дед, колись...

– Тьфу ты, – дед Шпаловскими умозаключениями остался недоволен. – Короче, Ваську берешь?

– Да ладно, дед, я шучу, друид так друид, переночеватьпустишь? – спросил Шпала.

Дед сощурил глаза, почесал бороду и сказал:

– Что поставишь?

– Три бутылки. Вместе выпьем, а Ваську на закусон пустим, – ответил Шпала.

– Это как, – абориген состроил наивно-испуганные глаза, – Ваську под нож?!

– Так я не понял, дед, – вмешался в разговор Була, – ты же сам нам только что его продавал?

– Одно дело продавать, другое резать, я ж друид, – гордо сказал дед и выдавил слезу. – Он же чего такой общипанный... Я его зерном, облитым водкой накормил, чтоб порадовался малость, он вырубился. Я думал сдох, по пьяне общипал, тут он и очнулся, а резать уже рука не поднялась. Жалко, цыпленком еще на руках носил...

– Дед, я вот чувю, два пузыря сверху помогут тебе избавиться от комплекса друида, – предположил Шпала.

– Ну разве что на один вечерок, – дед тяжело вздохнул. – Он же мне как родственник, на руках носил...

На этом торг закончился. Дед пригласил гостей в дом, а сам побежал в магазин за водкой, Шпала дал ему денег.

В доме неприятно пахло, но этот запах киднепперы предполагали заглушить в самое ближайшее время изрядной порцией спиртного. Обстановка в доме была убогая – древний стол,

несколько стульев и три кровати. В углу стоял телевизор, без изображения, но со звуком. Он был включен и вещал о вечном: катаклизмах, террористах и новых законопроектах, направленных сугубо на улучшение жизни населения и защиту его от самого себя. Лежавший на печи кот лениво смотрел в потолок, слушал диктора и мечтал о том, когда депутаты займутся заделанной накануне дедом дырой в подполье, и улучшат его жизнь, заставив хозяина привести все в изначальное положение. Впрочем, зря, депутаты предпочитали заниматься обратным, заделывая все больше дыр свободы всех мастей и видов.

Гости быстро ознакомились с обстановкой дома и всеми его закоулками, в поисках непонятно чего, просто по привычке. В ожидании деда Шпала с Булой курили, лениво переговариваясь о насущном. Колян слушал телевизор и думал о невидимом дикторе, приходя своим девственным мозгом к поразительному выводу, что благие дела лучше делать инкогнито, меньше вероятности, что начистят морду.

Дед пришел через час, заметно пошатываясь и без сдачи. Поставил бутылки на стол, выбрал взглядом из троих гостей Коляна и сказал:

– Хлопец, у тебя взгляд как у агнца, чистый как слеза, иди поймай Ваську, чтоб он нервный стресс не испытал, жалко ведь, как родня...

Колян вопросительно посмотрел на друзей.

– Не, дед, ему нельзя, – пришел ему на выручку Шпала, – калека он у нас, головой ударился. Ты лучше сам как-нибудь.

– А я-то все думаю, – всплеснул руками дед, – уж не ангел ли спустился на землю, порадовать перед смертью старика. Ан..н нет, убогий значит. Ладно, дитяко, – дед погладил Коляна по коротко стриженной голове, – убогие, они блаженны, как святые, сиди.

Но и сам дед никуда не торопился, открыл бутылку и стал расставлять стаканы.

– Слышь, дед, как там тебя? – спросил Шпала.

– Ираклий Иванович, – представился хозяин.

– О, блин, это ж кто тебя так назвал? – рот Булы вытянулся в вопросительной улыбке.

– Матушка постаралась. Когда она с пузом ходила, в деревню агитбригада приезжала, гармонист у них был, красавец мужчина, грузин по нации, в честь него и назвала.

– Шуры-муры, – догадливо подмигнул Була.

– Сам ты шуры-муры, – обиделся Ираклий Иванович, – любовь к искусству.

– Ну так кто спорит, – разрядил обстановку Шпала, – все мы тут из любви к искусству.

Во всем и всегда...

– Ладно, хрен с ним, с грузином, ты лучше скажи, как с петухом быть? – перевел разговор в интересующую его тему Була, почувствовавший первые признаки приближающегося голода.

– А что, я и без закуски могу, – дед резво налил водку себе в стакан и, не морщась, выпил. Молодые люди даже не успели переглянуться.

– Не, Ираклий, так дело не пойдет, – Була заглушил словами урчание в животе.

– Так а я что, против, ловите.

Була угрюмо вздохнул, недовольно посмотрел на деда и засучил рукава.

– Ладно, я этого лысого щас мигом завалю, – сказал он. – По грязи только за ним гоняться не охота. Воду ставьте.

Була вышел на улицу. Шпала поглядел ему вслед, усмехнулся и сказал:

– Щас он тебе, дед, голыми руками из петуха отбивную сделает.

Хозяин вновь выдавил слезу, всхлипывая, налил себе еще полстакана.

– Ну, дед, чет ты торопишься. Булу надо подождать, – сказал Шпала, но препятствовать хозяину не стал.

– Жалко, не могу, душа горит...

Дед замахнул очередную порцию. Не обращая внимания на слова Булы, разлил водку по остальным стаканам и сказал:

– Ребятки, давайте помяните душу его грешную. Ведь он, мой Васька, ух каким грешником был. Всех кур в округе перетоптал, петух-производитель, порода одно слово.

Шпала улыбнулся, взял пододвинутый к нему дедом стакан, посмотрел пронзительно и изучающе на Коляна и кивнул ему, указывая на его порцию:

– Выпей, Колян, может на здоровье пойдет, только не бушуй. Грех не выпить за настоящего мужика, царство ему небесное. Уважаю я таких, у кого мощь в хрене. Чувствую, понирик по усопшему требуется...

Трудно было понять, иронизирует Шпала или на полном серьезе говорит, но он тут же приподнялся со стула, поклонился в сторону улицы, отдавая последние почести секс-гиганту, и неожиданно со скорбными интонациями в голосе заговорил стихами:

– Зачем производителю мозги, зачем пытаться себя таблицей умножения, зачем корпеть с учебником в ночи и портить, блин, наукой настроение. Производителю огромный нужен член, без усталости и сбоев чтоб работал, чтоб девок мощью радовать в ночи, отдаться наслаждению заботам. Героям секс-гигантам почести и хвала, они, блин, заслужили уважение, прибор откажет лишь тогда, когда душа отчалит к миру тления. Тогда споем хвалебные слова, стихи прочтем мы в память над могилой, пришла производителю хана, но он останется в веках прославлен своей силой...

Колян неожиданно понял, что и он должен что-то сказать соответствующее моменту. Он тоже встал, округлил глаза и выдавил, мало вникая в сказанное им же самим:

– Я камнем в бошку получил, забыл я всю таблицу умножения, но главное что не забыл, зачем прибор дарован мне предназначением. Ученым вряд ли стану теперь я, и вряд ли стану космонавтом я межзвездным, но от забвенья член спасет меня, гигантом половым стать никогда не поздно...

Дед стукнул кулаком по столу, гулко выдохнул, налил себе еще стакан, встал рядом с гостями и выдвинул свою в стихах версию понирика:

– Мой Васька был петух солидный, в округе девок всех топтал, но кара божия настигла, вот и его конец достал...

Не чокаясь, они выпили. Сели на стулья и закурили.

– Помню, – разрушил наступившую тягостную тишину дед, – Васька мой, еще в юношестве, к соседям любил заходить, зазноба там у него была, беленькая с рыжими вкрапинками, стерва еще та, без зерен его к себе не пускала. Наберет мой Васька полный клюв зерен и через забор, спрячутся они в кустах, а потом цыплята.

– А че соседский петух? – Шпала никогда не пил стаканами, хмель быстро ударил в голову.

– А...а...а... – протянул дед, – дохлый он был и извращенец, все к уткам норовил залезть, весь в хозяина.

– Не понял? – Шпала оловом взглянул на Ираклия Тимофеевича.

– Тот тоже извращенцем был, в свиарнике работал, его за зоофилию посадили. Вначале просто выгнать хотели, а как мутанты у хрюшек стали рождаться, решили посадить – экстримизм в самой очевидной форме, – дед вздохнул. – Правда ерунда это, к нам позже комиссия специальная приезжала, исследования разные проводили и замеры окружающей среды делали. Акт составили, что мол у нас радиация, поэтому мы все здесь изначально мутанты. Водку посоветовали пить в качестве профилактики.

Дед разлил еще по стакану. Була задерживался.

– Ну хлопцы, еще вмажем, за прозрение, за то, что народу глаза открыли. Вон при Сталине как было, родится мутант – виновного ищут, и находят, сажают. Теперь родится мутант, все знают, радиация виновата, всех нас мутантами сделала. И беды наши не в руководителях, политическом строе и экономике, а потому, что мы – мутанты...

– Да, – угрюмо промычал Шпала, – в государстве мутантов и жизнь мутированная, а главные мутанты в думе сидят, мутированные законы издают...

– Империалисты-капиталисты во всем виноваты, – ударил по столу дед, – вот кто воду мутит. Скажи мне, может у нормального человека много денег быть?

Шпала пожал плечами, нормальным человеком он не был и плохо разбирался в этом вопросе.

– А я тебе говорю – нет. Нормальный человек он какой? Тонкая душевная конституция у него, и как взглянет на правду жизни, так все у него внутри переворачивается, боль одолевает, и такая, что жить с ней прямо невозможно. Одно спасение – водка. Он идет и напивается, и пьет пока деньги не кончатся, какое уж тут богатство. А империалист-капиталист не пьет, и все думает, как нагадить русскому мужику, чтоб тот еще больше расстроился и сильнее запил. А сам прибыль подсчитывает. Он на дядюшку Сэма молится, а мужик – на пузырь. А тут уже божественная истина, каждому по вере. Только вот мужик не виноват, он бы и рад другому идолу молиться, да конституция души не позволяет...

Неожиданно задушевная беседа была прервана душераздерающим воплем, донесшимся с улицы. Гости подскочили со своих мест, Колян от испуга, Шпала – приготовившись к отражению полчищ врагов. Ираклий, облокотившись локтем на стол, так и остался сидеть в задумчивой позе.

– Что это?! – Шпала, а следом и Колян выскочили из дома.

Взъерошенный Була, весь в грязи, держал в одной руке брыкающегося петуха, другой рукой схватился за глаз, истошно орал и матерился. Завидев друзей, он попытался придать себе мужественный вид. Петух прокукарекал. Була убрал руку с лица – его левый глаз был окровавлен.

– Сука, прямо в глаз клюнул, – уведомил о причинах своего крика молодой человек.

– Безумству храбрых поем мы песню, – захлебнулся в смехе Шпала. – Реальный пацан жизнь свою без боя не отдаст, даже если силы противника имеют явное превосходство.

– Он, козел, был согласен на бульон, но не согласен на разлуку с курицей, – сквозь гримасу раздражения улыбнулся Була.

– А че ты хотел, секс-гигант, петух производитель, ему баба дороже жизни.

– Ща я этого гиганта импотентом навсегда сделаю.

Петух возмущенно кукарекнул.

– Че, падла, сказал..., – Була приподнял петуха и повернул головой к себе. – Че ты там еще вякаешь?!

Петух извернулся и вновь клюнул Булу в лицо. Шпала изошелся в смехе, согнувшись пополам, указывал пальцем то ли на петуха, то ли на товарища, пытался что-то сказать, но не мог, а только нечленораздельно булькал. Колян глупо улыбался.

Була рассвирепел. Глаза налились кровью. Он опустил руку с петухом, отвел ее в сторону для размаха и со всей силы ударил птицу об остатки забора. Деревяшки хрустнули. Васька закатил глаза и попытался было еще раз возмущенно прокукарекать, но лишь молчаливо приоткрыл клюв и выплеснул струйку крови. Куры сочувственно, со страхом выглядывали из щелей сарая, переживая за последние секунды жизни казановы.

Булу было не остановить, он совсем не глядя на петуха, продолжал долбить уже безжизненное тело об забор. В разные стороны полетели щепки, выпученные глаза, кровь. Постепенно секс-гигант превращался в одно сплошное кровавое месиво. На плахах расплылись мозги и кишки. Молодчик продолжал неистовствовать.

– Васька!!! – прервал фейерию жалобный крик отчаяния. – Что они с тобой сделали!!!...

Шпала и Колян обернулись на голос. Перед ними на коленях стоял Ираклий, протянув руки к небу. Рыдая, захлебываясь слезами, он голосил по убиенному.

Крик деда заставил Булу остановиться. Размахнувшись, он в последний раз ударил уже превратившегося в рваное мясо петуха об забор. Забор завалился. Була откинул труп в сторону.

– Готов, – тихо сказал он и направился ко входу в дом.

Ираклий подполз к погибшему секс-гиганту, склонился над ним, роняя слюни и слезы, промычал:

– У, стервецы, загубили невинную душу, искромсали могучее тело...

– Слышь, Ираклий, брось ты, – перебил причитавшего Шпала, – знал, на что шел. Да и не был твой Васька невинным, скольких кур обесчестил. И могучим он только в смысле потенции был, а так дохляк дохляком. Пошли лучше почести ему воздадим...

– Нет, – сквозь слезы промычал дед, – похоронить сперва надо, потом и помянуть можно.

– Да уж, – мрачно разглядывая искромсанное тело, согласился Шпала, – в суп он теперь явно не годится. Перестарался Була. Не стоит быть таким агрессивным, пусть теперь голодным сидит... Помню одного комерса прессовали, тож перестарались, издох от перенапряга, сердчишко не выдержало, вследствие чего мы на бобах остались... Ну так собакам отдать его только осталось.

– Я тебе отдам, еретик, – возмутился Ираклий, – хоронить будем... Блаженный, – обратился он к Колян, – неси лопату.

Ираклий поднялся с колен, подобрал остатки петуха и понес на вытянутых руках к курятнику.

– Его надо похоронить там, где прошла вся его жизнь, где он прославил свое имя подвигами.

Колян, мало понимая происходящее, взял стоявшую у входа в дом лопату и пошел к единственному целому сараю, что и был курятником. Несколько раз копнул землю в указанном дедом месте и вопрошающе уставился на Шпалу.

– Ираклий, иди посмотри, хватит или нет, – переадресовал вопрос хозяину Шпала.

Дед подошел к ямке, кивнул головой, утер вновь выступившую слезу и сказал:

– Беги за водкой, хоронить будем...

Шпала крикнул в открытую дверь дома:

– Була, тащи водяру, обмывать будем.

На пороге показался Була, с водкой и четырьмя стаканами. Он остановился возле Коляна, и, глядя на его отрешенный взгляд, сказал:

– Видишь, Колян, как оно в жизни бывает, врубайся быстрее в суть вещей, а то так же, как и петуха в курятнике похоронят.

– Вы блаженного не обижайте, – сказал дед. – Иди, Колян, сюда, читать отходную будешь, мы для этого грязны душой.

Колян с готовностью склонился над могилкой.

– Что читать-то? – спросил он, совсем потерявшись в непонимании новой действительности.

– Ну там, отче наш..., – подсказал Шпала.

– Я не знаю.

– Говори, че знаешь.

– Я ничего не знаю, – грустно сказал Колян.

– Говори, что в голову придет, – поддержал Ираклий, – блаженному правильные слова сами собой прийти должны.

Колян тяжело вздохнул и тихим скорбным голосом стал напевать.

– Отче наш, прости грешную петушиную душу, раба твоего Василия. Дай ему успокоение и вознеси на небо...

Смола затих, больше ничего в голову не приходило, да и тому, что пришло, Колян был сильно удивлен. Дальше требовалась импровизация. Но импровизировать потерявшему память человеку чрезвычайно трудно, тем более когда не понимаешь суть происходящего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.